СОВРЕМЕННАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ

Г.П. Шалаева

ЛИТЕРАТУРНОЕ ЧТЕНИЕ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Данное издание является принципиально новым современным пособием, разработанным в соответствии с базовой программой для начальной школы, утвержденной Министерством образования и науки Российской Федерации. Программный материал сгруппирован по темам и представлен в доступной и увлекательной форме, а яркие цветные иллюстрации органично сопровождают текст, подключая к усвоению материала зрительную память учащихся. Работая по этой книге, школьники, даже при разноуровневой подготовке, легко и быстро усвоят программу начальной школы и разовьют интеллект.

Книга адресована родителям школьников начальных классов, учителям, методистам, а также студентам педагогических вузов.

- Галина Петровна Шалаева
  -
  - Баратынский Евгений Абрамович
    -
    - «Весна, весна! как воздух чист!..»
  - Блок Александр Александрович
    -
    - Ворона
  - Есенин Сергей Александрович
    -
    - С добрым утром
    - Берёза
    - Черёмуха
    - Пороша
    - «Поёт зима – аукает…»
  - Жуковский Василий Андреевич
    -
    - Жаворонок
  - Кольцов Алексей Васильевич
    -
    - Косарь
  - Крылов Иван Андреевич
    -
    - Мартышка и очки
    - Слон и Моська
  - Лермонтов Михаил Юрьевич
    -
    - Осень

- Бородино
- Парус

- Мамин-Сибиряк Дмитрий Наркисович
  -
  - Серая Шейка
- Маяковский Владимир Владимирович
  -
  - История Власа – лентяя и лоботряса
- Некрасов Николай Алексеевич
  -
  - «Как молоком облитые…»
  - Мужичок с ноготок
  - «Славная осень! Здоровый, ядрёный…»
  - «Не ветер бушует над бором…»
  - Дедушка Мазай и зайцы
- Пушкин Александр Сергеевич
  -
  - Сказка о рыбаке и рыбке
  - «Уж небо осенью дышало…»
  - Зимняя дорога
  - «Зима!.. Крестьянин, торжествуя…»
  - «Гонимы вешними лучами…»
  - «У лукоморья дуб зелёный…»
  - Сказка о попе и работнике его Балде
  - Зимний вечер
  - Сказка о золотом петушке
  - Сказка о мёртвой царевне и семи богатырях
  - Полтавский бой
- Толстой Лев Николаевич
  -
  - Булька
  - Отец и сыновья
  - Лгун
  - Два товарища
  - Детство
  - Прыжок
- Тургенев Иван Сергеевич
  -
  - Воробей
- Тютчев Федор Иванович
  -
  - «Зима недаром злится…»
  - Весенние воды
  - Весенняя гроза

        - «Есть в осени первоначальной…»
    - Фет Афанасий Афанасьевич
        -
        - «Ласточки пропали…»
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26
    - 27
    - 28
    - 29
    - 30
    - 31
    - 32
    - 33
    - 34
    - 35
    - 36
    - 37
    - 38
    - 39

- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47

Галина Петровна Шалаева
Литературное чтение

© ООО «Филологическое общество „СЛОВО“», 2009
© ООО «Филологическое общество "СЛОВО"», оформление, 2009

Баратынский Евгений Абрамович

(настоящая фамилия Боратынский)
1800–1844
русский поэт

Родился в Тамбовской губернии в семье древнего польского дворянского рода. Родители дали юноше прекрасное воспитание и, желая обеспечить ему аристократическую карьеру, определили сына в Пажеский корпус. Но пребывание в этом привилегированном учебном заведении закончилось катастрофой. Участие в кружке «благородных мстителей» (деятельность которого состояла в школьных проказах в отношении учителей и воспитателей) привела к тому, что он был исключён из Пажеского корпуса.

С 1819 года Баратынский поступает на военную службу, где пишет свои первые стихи, на текст которых впоследствии

напишут музыку и они станут всенародно любимыми романсами. В 1827 году выходит его первый сборник стихов. Поэзия Баратынского отражала трагедию судьбы его поколения. Реакция, последовавшая за разгромном восстания декабристов, не щадила тех, кто не хотел смириться с торжеством несправедливости. Именно чувства и настроения этих людей нашли отражение во многих известных произведениях Баратынского того времени. В них особенно проявилась склонность поэта к размышлениям над жизнью и человеческой судьбой, даже А. С. Пушкин сравнивал его с Гамлетом.

В 1843 году Баратынский уезжает путешествовать за Границу, но 29 июля 1844 года скоропостижно умирает в Неаполе. Только через год тело его было перевезено в Петербург и в присутствии нескольких друзей предано земле.

«Весна, весна! как воздух чист!..»

Весна, весна! как воздух чист!
Как ясен небосклон!
Своей лазурию живой
Слепит мне очи он.

Весна, весна! как высоко
На крыльях ветерка,
Ласкаясь к солнечным лучам,
Летают облака!

Шумят ручьи! блестят ручьи!
Взревев, река несёт
На торжествующем хребте
Поднятый ею лёд!

Еще древа обнажены,
Но в роще ветхий лист,
Как прежде, под моей ногой
И шумен и душист.

Под солнце самое взвился́
И в яркой вышине
Незримый жаворонок поёт

Заздравный гимн весне.

Что с нею, что с моей душой?
С ручьём она ручей
И с птичкой птичка! с ним журчит,
Летает в небе с ней!..

Блок Александр Александрович

1880–1921
русский поэт

Блок родился в Петербурге в 1880 г. Его отец преподавал философию в Варшавском университете, а мать была дочерью известного ботаника. Писать стихи маленький Блок начал ещё в детстве под руководством бабушки и тёти, которые тоже занимались стихотворчеством, а также переводами литературных произведений.

После окончания Петербургской гимназии с 1898 по 1901 г. Блок учился на юридическом факультете Петербургского университета, где продолжал писать стихи. Большое влияние на него оказало творчество В. Жуковского. Поэзия Жуковского научила Блока чистоте и возвышенности чувств, постижению красоты окружающего мира. Ранние стихи Блока составили

первую книгу, вышедшую в 1904 г. – «Стихи о Прекрасной Даме». В них Блок обозначил всё: красоту земной женщины, гармонию природы и культуры, чувственное и духовное восприятие мира. Он становится одним из самых значительных поэтов России.

Первая русская революция 1905–1907 годов изменяет настроение стихов поэта, им становится присуща социальная чуткость, в его стихотворениях появляются некрасовские интонации: любовь к родине – любовь – спасение, понимание того, что свою судьбу невозможно представить без неё. Годы реакции после поражения революции становятся для Блока переломными. Поэт обращается к драматургии, потому, что театр – это давняя и через всю жизнь пронесённая привязанность поэта. В юности он мечтал быть актёром, много играл в любительских спектаклях и в 1906 году он пишет несколько лирических драм – «Незнакомка», «Балаганчик» и др.

В блоковской поэзии возникает основная тема – Россия. Она захватывает поэта полностью и в его стихах ощущение отчизны как живого существа сливается у него с чувством любви.

Октябрьская революция вызывает у Блока творческий подъём и гражданскую активность: он много пишет, работает в Государственной комиссии по изданию классиков русской литературы, сотрудничает с издательствами. Но жизнь в голодном Петербурге разочарование в революции приводят его к творческому кризису. Последующие годы поэт проводит в состоянии глубокой депрессии. В апреле 1921 года он заболевает, в мае его состояние резко ухудшается и 7 августа он скончался.

Ворона

Вот ворона на крыше покатой,
Так с зимы и осталась лохматой…

А уж в воздухе – вешние звоны,
Даже дух занялся у вороны…

Вдруг запрыгала вбок глупым скоком,
Вниз на землю глядит она боком:

Что белеет под нежною травкой?
Вон желтеют под серою лавкой

Прошлогодние мокрые стружки…
Это всё у вороны – игрушки,

И уж так-то ворона довольна,
Что весна и дышать ей привольно!..

Есенин Сергей Александрович

(1895–1925)
русский поэт

Есенин родился в Рязанской губернии в селе Константиново. Его родители были крестьяне. Учился он в Спас-Клепиковской школе и в Константиновском земском училище. Сергей Александрович рано начал писать стихи. Когда ему было 17 лет, он составил первый рукописный сборник своих стихов «Больные думы», в который вошло больше 30 стихотворений.

Русская деревня, природа родного края, устное народное творчество, русская классическая литература оказали сильное влияние на формирование взглядов юного поэта, направляли его природный талант.

В 1916 году выходит первая книга стихов Есенина «Радуница». Имя поэта становится популярным. В 1918 году

выходит его второй сборник стихов «Голубень». С 1918 по 1925 года Есенин много работает, выходит несколько сборников его стихов, кажется, что родник его таланта неиссякаем.

Трагично и внезапно в 30 лет прервалась его жизнь. Но пока живет земля, Есенину-поэту суждено жить с нами и «воспевать всем существом в поэте шестую часть земли с названьем кратким “Русь”».

С добрым утром

Задремали звёзды золотые,
Задрожало зеркало затона,
Брезжит свет на заводи речные
И румянит сетку небосклона.

Улыбнулись сонные берёзки,
Растрепали шёлковые косы.
Шелестят зелёные серёжки,
И горят серебряные росы.

У плетня заросшая крапива
Обрядилась ярким перламутром
И, качаясь, шепчет шаловливо:
«С добрым утром!»

Берёза

Белая берёза
Под моим окном
Принакрылась снегом,
Точно серебром.
На пушистых ветках
Снежною каймой
Распустились кисти
Белой бахромой.
И стоит берёза
В сонной тишине,
И горят снежинки
В золотом огне.
А заря, лениво
Обходя кругом,
Обсыпает ветки
Новым серебром.

Черёмуха

Черёмуха душистая
С весною расцвела
И ветки золотистые,
Что кудри, завила…
А рядом, у проталинки,
В траве, между корней,
Бежит, струится маленький
Серебряный ручей.
Черёмуха душистая,
Развесившись, стоит,
А зелень золотистая
На солнышке горит.
Ручей волной гремучею
Все ветки обдаёт
И вкрадчиво под кручею
Ей песенки поёт.

Пороша

Еду. Тихо. Слышны звоны
Под копытом на снегу,
Только серые вороны
Расшумелись на лугу.

Заколдован невидимкой,
Дремлет лес под сказку сна,
Словно белою косынкой
Подвязалася сосна.

Понагнулась, как старушка,
Оперлася на клюку,
А над самою макушкой
Долбит дятел на суку.

Скачет конь, простору много,
Валит снег и стелет шаль.
Бесконечная дорога
Убегает лентой вдаль.

«Поёт зима – аукает…»

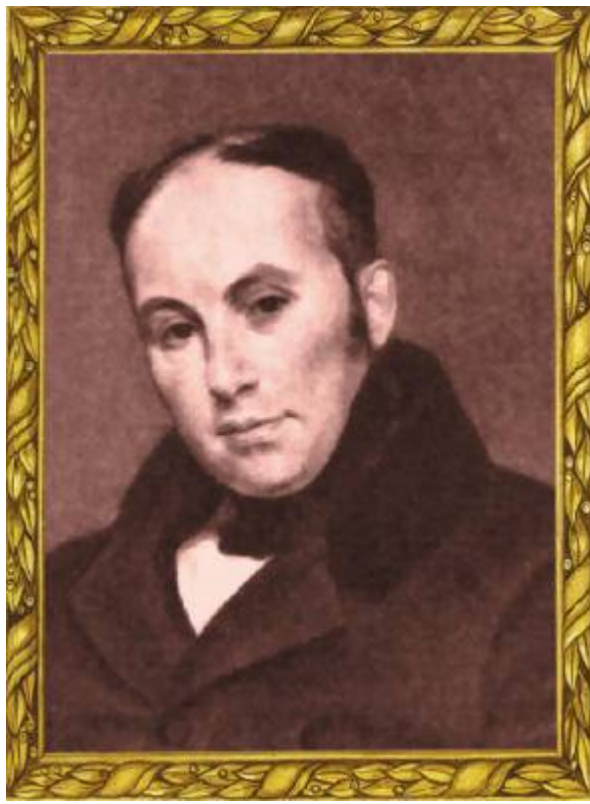
Поёт зима – аукает,
Мохнатый лес баюкает
Стозвоном сосняка.
Кругом с тоской глубокою
Плывут в страну далёкую
Седые облака.

А по двору метелица
Ковром шелковым стелется,
Но больно холодна.
Воробушки игривые,
Как детки сиротливые,
Прижались у окна.

Озябли пташки малые,
Голодные, усталые,
И жмутся поплотней.
А вьюга с рёвом бешеным
Стучит по ставням свешенным
И злится всё сильней.

И дремлют пташки нежные
Под эти вихри снежные
У мёрзлого окна.
И снится им прекрасная,
В улыбках солнца ясная
Красавица весна.

Жуковский Василий Андреевич



(1783–1852)
поэт, переводчик

Жуковский родился в селе Мишенское Тульской губернии. Отец – Афанасий Иванович Бунин, мать – Сальха, турчанка по происхождению. В младенчестве будущий поэт был усыновлен Андреем Григорьевичем Жуковским.

Первоначальное образование мальчик получил в кругу семьи Буниных, где рос на правах воспитанника. В 1790 году Жуковский был отдан в частный пансион Х. Ф. Роде, после закрытия которого мальчика определили в Главное народное училище (1792 год). Исключенный из училища «за неспособность», Жуковский продолжал обучение в тульском доме В. А. Юшковой (своей сводной сестры и крестной матери). Там, в атмосфере широких культурных интересов семьи Юшковых, Жуковский впервые приобщился к литературному творчеству, сочинял пьесы для постановок на домашней сцене.

В 1797 году юный поэт был определен в Благородный пансион при Московском университете, который он закончил в 1800 году одним из лучших учеников.

Яркой страницей его жизни было также участие в Отечественной войне 1812–1814 гг. В чине поручика Жуковский был зачислен в Московское народное ополчение и вместе со своим полком прошел всю военную кампанию 1812 г. – самый трудный и героический период войны с Наполеоном. В этом году было написано самое значительное произведение поэта, получившее широкое распространение в русской армии, – «Певец во стане русских воинов».

И.А. Крылов, А.С. Пушкин, В.А. Жуковский, Н.И. Гнедич.

Дальнейший жизненный и творческий путь Жуковского связан с Петербургом. В 1815 году поэт согласился начать службу

при царском дворе. Он помогал многим литераторам, артистам, художникам, пострадавшим от произвола власти. В их числе был и А. С. Пушкин.

В 1841 году, получив отставку, Жуковский переселился в Германию, где умер в 1852 году. Последнее десятилетие жизни он активно занимался переводческой деятельностью. Жуковский явился автором нескольких стихотворений, написанных им специально для самых маленьких детей, – «Жаворонок», «Птичка», «Котик и козлик», сказки «Мальчик с пальчик».

Жаворонок

На солнце тёмный лес зардел,
В долине пар белеет тонкий,
И песню раннюю запел
В лазури жаворонок звонкий.
Он голосисто с вышины
Поёт, на солнышке сверкая:
«Весна пришла к нам молодая,
Я здесь пою приход весны!»

Кольцов Алексей Васильевич

(1809–1842)
поэт

Его называли поэтом-самоучкой, потому что он не получил образования. Кольцову еще не было 12 лет, когда его отец, воронежский торговец скотом, взял его из второго класса уездного училища и сделал своим помощником в торговых делах. Случайно купленная на базаре книга стихов И. И. Дмитриева потрясла юношу: он страстно полюбил стихи и вскоре начал писать сам.

Прочитав в сборнике стихов А. Дельвига произведения, написанные на манер русских песен, он все больше начал склоняться к этому роду поэзии. В песнях Кольцова зазвучали голоса простых русских людей. Задушевно, то с тоской, то с радостью, поет пахарь, косарь, жница, поселянин, красна девица и

молодец-удалец.

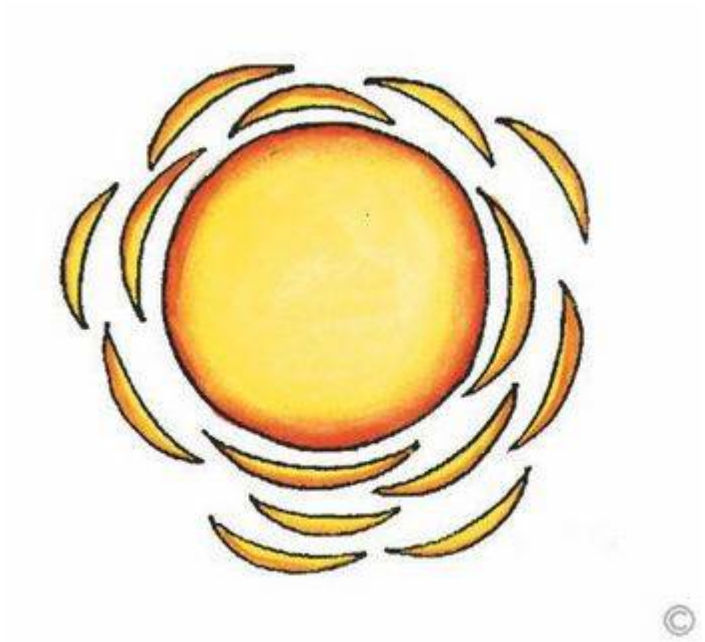
Трудно было приказчику, торгующему на базаре скотом, мечтать о поэзии и писать стихи. Быть может, и потерялся бы его поэтический талант в грубости торгашеского мира, если бы не счастливый случай. В 1830 году Кольцов по торговым делам оказался на заводе, принадлежавшем отцу Н. В. Станкевича – известного литератора и общественного деятеля.

Станкевич услышал стихи Кольцова и напечатал некоторые из них в «Литературной газете» и в журнале «Листок». Он познакомил Кольцова с известными писателями того времени. В 1835 году на средства, собранные по подписке, удалось издать сочинения А. В. Кольцова. Сборник его стихов имел успех и был одобрен А. С. Пушкиным, который незадолго до гибели пригласил Кольцова к себе. А в своем журнале «Современник» Пушкин напечатал стихотворение поэта «Урожай».

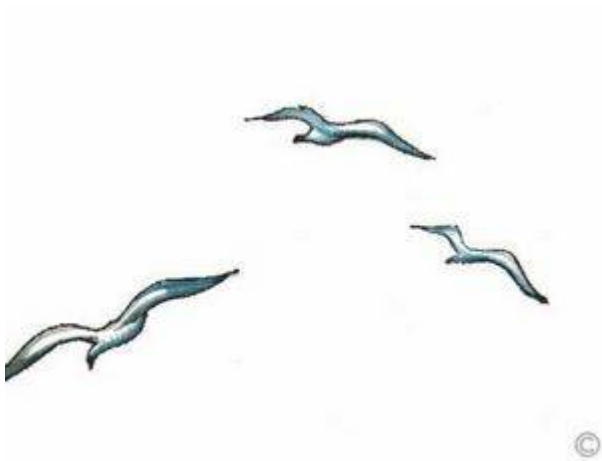
Несмотря на то, что талант Кольцова был признан всеми передовыми людьми того времени, жизнь его оставалась нелегкой. Деспотичный отец заставлял поэта заниматься нелюбимым делом – торговлей.

Вдали от писателей, без друзей, чужой среди родных, поэт чувствовал себя одиноким и несчастным. 29 октября 1842 года Кольцов умер от чахотки.

Косарь
(Отрывок)



…У меня ль плечо —
Шире дедова,
Грудь высокая —
Моей матушки.
На лице моем
Кровь отцовская
В молоке зажгла
Зорю красную.
Кудри чёрные
Лежат скобкою;
Что работаю —
Всё мне спорится!

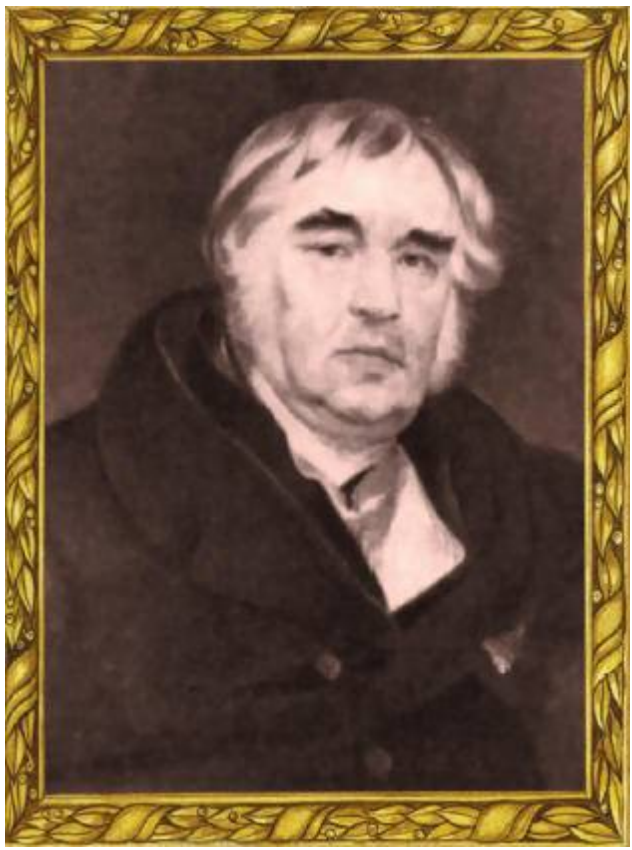


Ах ты, степь моя,
Степь привольная,
Широко ты, степь,
Пораскинулась,
К морю Чёрному
Понадвинулась!
В гости я к тебе
Не один пришёл:
Я пришёл сам-друг
С косой вострою;
Мне давно гулять
По траве степной
Вдоль и по́перёк
С ней хотелося…
Раззудись, плечо!
Размахнись, рука!

Ты пахни в лицо,
Ветер с по́лудня!
Освежи, взволнуй
Степь просторную!
Зажужжи, коса,
Как пчелиный рой!
Молоньёй[1], коса,
Засверкай кругом!

Зашуми, трава,
Подкошённая;
Поклонись, цветы,
Головой земле!..

Крылов Иван Андреевич



(1769–1844)
баснописец, прозаик, драматург, журналист

Иван Андреевич Крылов родился в Москве в семье отставного капитана. Образование он получил скудное, но с детских лет в нем жила жажда знаний. Он много читал. Настойчивость и упорство принесли плоды: благодаря самообразованию будущий баснописец стал одним из самых просвещенных людей своего времени. Рано лишившись отца, он вынужден был работать, чтобы прокормить мать и младшего брата.

Крылов долго искал свой путь в литературе, написал даже несколько трагедий и комедий.

Одним из крупнейших событий русской литературной жизни XIX века было появление в печати первых его басен. Именно басня стала тем жанром, в котором гений Крылова выразился необычайно широко и мощно. В 1809 году выходит его первая

книга басен. Всего Крылов написал более 200 басен, которые объединил в девять книг.

Иван Андреевич был одним из первых русских писателей, в произведениях которого впервые зазвучала подлинно народная речь. Благодаря связи языка Крылова с языковыми традициями русского народа, многие выражения из его басен стали крылатыми, превратились в пословицы и поговорки: «Кукушка хвалит петуха за то, что хвалит он кукушку», «Слона-то я и не приметил», «А Васька слушает да ест» и др.

Басни Крылова стали книгой мудрости самого народа.

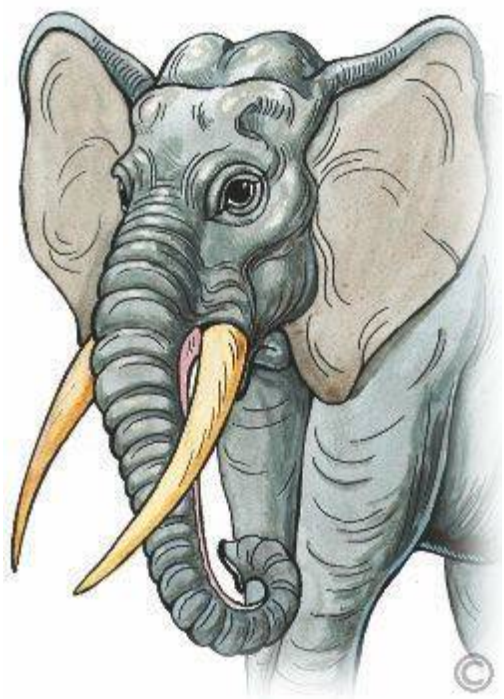
Мартышка и очки
(Басня)

Мартышка к старости слаба глазами стала;
А у людей она слыхала,
Что это зло ещё не так большой руки:
Лишь стоит завести Очки.
Очков с полдюжины себе она достала;
Вертит Очками так и сяк:
То к темю их прижмёт, то их на хвост нанижет,
То их понюхает, то их полижет;
Очки не действуют никак.
«Тьфу пропасть! – говорит она: – и тот
дурак,

Кто слушает людских всех врак:
Всё про Очки лишь мне налгали;

А проку на́ волос нет в них».
Мартышка тут с досады и с печали
О камень так хватила их,
Что только брызги засверкали.
К несчастью, то ж бывает у людей:
Как ни полезна вещь, – цены не зная ей,
Невежда про неё свой толк всё к худу клонит;
А ежели невежда познатней,
Так он её ещё и гонит.

Слон и Моська
(Басня)



По улицам Слона водили,
Как видно, напоказ —
Известно, что Слоны в диковинку у нас —
Так за Слоном толпы зевак ходили.
Отколе ни возьмись, навстречу Моська им.
Увидевши Слона, ну на него метаться.
И лаять, и визжать, и рваться,
Ну, так и лезет в драку с ним.
«Соседка, перестань срамиться, —
Ей Шавка говорит, – тебе ль с Слоном
возиться?
Смотри, уж ты хрипишь, а он себе идёт
Вперёд
И лаю твоего совсем не замечает».
«Эх, эх! – ей Моська отвечает, —
Вот то-то мне и духу придаёт,

Что я совсем без драки
Могу попасть в большие забияки.
Пускай же говорят собаки:
«Ай, Моська! знать, она сильна,
Что лает на Слона!»

Лермонтов Михаил Юрьевич

(1814–1841)
поэт, прозаик, драматург

Сын армейского капитана Ю. П. Лермонтова и М. М. Лермонтовой, единственной наследницы состояния своей матери, принадлежавшей к влиятельному роду Столыпиных. После ранней смерти матери (1817 год) ребенка взяла к себе бабушка Е. А. Арсеньева, устранив от воспитания отца. Детство Лермонтова прошло в имении Тарханы Пензенской губернии. Он получил столичное домашнее образование, с детства свободно владел французским и немецким языками. В 1827 году семья переезжает в Москву, и осенью 1828 года Лермонтова зачисляют в 4 класс Московского университетского Благородного пансиона, одного из лучших учебных заведений России.

Уже в Тарханах определился острый интерес мальчика к литературе и поэтическому творчеству. Он много читает. В ранних стихах Лермонтова еще есть следы подражания А. Пушкину, Дж. Байрону. Шестнадцатилетний Лермонтов считает Байрона особенно близким себе поэтом, изучая не только его творчество, но и его жизнь.

В 1830 году Лермонтов поступает в Московский университет, но в 1832 году оставляет его, не удовлетворенный преподаванием в этом учебном заведении. По совету родных в 1832 году он сдал экзамены в Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров.

В 1835 году, окончив Школу, Лермонтов начал службу в звании корнета в лейб-гвардии гусарском полку. В этом году в печати появляется его поэма «Хаджи-Абрек», драма «Маскарад» и др.

В 1837 году, потрясенный гибелью Пушкина, Лермонтов пишет стихотворение «Смерть Поэта». При дворе оно было воспринято как призыв к свержению власти царя. Автора арестовали, и началось политическое дело о «непозволительных стихах».

В марте 1837 года Лермонтов был сослан на Кавказ. Это была его первая ссылка и самое трудное для него испытание. Он познакомился с народной жизнью, увидел быт казачьих станиц, русских солдат, многочисленных народностей Кавказа. В 1837 году поэт записывает народную сказку «Ашик-Кериб».

Кавказская ссылка Лермонтова была сокращена хлопотами бабушки и влиятельных знакомых. В январе 1838 года он возвращается в Петербург. 1838–1841 годы были годами его литературной славы. На Лермонтова смотрят как на поэтического наследника и защитника имени А. С. Пушкина. В эти годы Лермонтов много работает. Он создает одно из самых блестящих своих творений – роман «Герой нашего времени» (1838–1840).

В марте 1840 года за дуэль с сыном французского посла Лермонтов был отправлен в действующую армию на Кавказ. В начале февраля 1841 года, получив двухмесячный отпуск, он приезжает в Петербург, где его представляют к награде за храбрость, но царь Николай I отклоняет представление. Поэт мечтает уйти в отставку, но 14 апреля 1841 года, не получив отсрочки, возвращается на Кавказ.

В Пятигорске Лермонтов находит общество прежних знакомых, среди которых был его товарищ по школе юнкеров Н. С. Мартынов. На одном из дружеских вечеров шутка Лермонтова задела Мартынова, человека неумного и самолюбивого, и ссора повлекла за собой вызов на дуэль. Лермонтов принял его, твердо

решив не стрелять в товарища. Поэт был убит 15 июля 1841 года.

Осень

Листья в поле пожелтели,
И кружатся и летят;
Лишь в бору поникши ели
Зелень мрачную хранят.

Под нависшею скалою
Уж не любит меж цветов
Пахарь отдыхать порою
От полуденных трудов.
Зверь отважный поневоле
Скрыться где-нибудь спешит.
Ночью месяц тускл и поле
Сквозь туман лишь серебрит.

Бородино

«Скажи-ка, дядя, ведь не даром
Москва, спалённая пожаром,
Французу отдана?
Ведь были ж схватки боевые
Да, говорят, ещё какие!
Не даром помнит вся Россия
Про день Бородина!»

– Да, были люди в наше время,
Не то, что нынешнее племя:
Богатыри – не вы!
Плохая им досталась доля:
Немногие вернулись с поля…
Не будь на то господня воля,
Не отдали б Москвы!

Мы долго молча отступали,
Досадно было, боя ждали,
Ворчали старики:
«Что ж мы? на зимние квартиры?
Не смеют, что ли, командиры
Чужие изорвать мундиры
О русские штыки?»

И вот нашли большое поле.
Есть разгуляться где на воле!
Построили редут[2]
У наших ушки на макушке!
Чуть утро осветило пушки
И леса синие верхушки —
Французы тут как тут.

Забил заряд я в пушку туго
И думал: угощу я друга!
Постой-ка, брат, мусью:

Что тут хитрить, пожалуй к бою;
Уж мы пойдём ломить стеною,
Уж постоим мы головою
За родину свою!

Два дня мы были в перестрелке.
Что толку в этакой безделке?
Мы ждали третий день.
Повсюду стали слышны речи:

«Пора добраться до картечи[3]!»
И вот на поле грозной сечи
Ночная пала тень.

Прилёг вздремнуть я у лафета[4]
И слышно было до рассвета,
Как ликовал француз.
Но тих был наш бивак[5] открытый:

Кто кивер[6] чистил весь избитый,
Кто штык точил, ворча сердито,
Кусая длинный ус.

И только небо засветилось,
Всё шумно вдруг зашевелилось,
Сверкнул за строем строй.
Полковник наш рождён был хватом:
Слуга царю, отец солдатам…
Да, жаль его: сражён булатом,
Он спит в земле сырой.

И молвил он, сверкнув очами:
«Ребята! не Москва ль за нами?
Умрёмте ж под Москвой,
Как наши братья умирали!»
И умереть мы обещали,
И клятву верности сдержали
Мы в Бородинский бой.

Ну ж был денёк! Сквозь дым летучий
Французы двинулись как тучи,
И всё на наш редут.
Уланы с пёстрыми значками,
Драгуны с конскими хвостами,
Все промелькнули перед нами,
Все побывали тут.

Вам не видать таких сражений!..
Носились знамена как тени,
В дыму огонь блестел,
Звучал булат, картечь визжала,
Рука бойцов колоть устала,
И ядрам пролетать мешала
Гора кровавых тел.

Изведал враг в тот день немало,
Что́ значит русский бой удалый,
Наш рукопашный бой!..
Земля тряслась – как наши груди,
Смешались в кучу кони, люди,
И залпы тысячи орудий
Слились в протяжный вой…

Вот смерклось. Были все готовы
Заутра бой затеять новый
И до конца стоять…
Вот затрещали барабаны —

И отступили бусурманы.
Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать.

Да, были люди в наше время,
Могучее, лихое племя:
Богатыри – не вы.
Плохая им досталась доля:
Немногие вернулись с поля.
Когда б на то не божья воля,
Не отдали б Москвы!

Парус

Белеет парус одинокий
В тумане моря голубом. —
Что ищет он в стране далёкой?
Что кинул он в краю родном?

Играют волны, ветер свищет,
И мачта гнётся и скрипит;
Увы! – он счастия не ищет
И не от счастия бежит!

Под ним струя светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой…
А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!

Мамин-Сибиряк Дмитрий Наркисович

1852–1912
(Настоящая фамилия Мамин)
русский писатель

Мамин родился в небольшом заводском посёлке в Пермской губернии, где его отец был священником и преподавал в местной школе. В доме Маминых была прекрасная большая библиотека, и по вечерам там собирались любители чтения. Первым учителем Дмитрия оказался отец, а потом мальчика отдали в школу. После её окончания он поступил в Екатеринбургское духовное училище, а потом был принят в Пермскую духовную семинарию. Мамина не

очень тянуло к духовному образованию, но в то время дети священников должны были продолжать профессию своих родителей.

В семинарии Дмитрий проучился два года, но священником стать так и не захотел и решил стать юристом. Он поступил на юридический факультет Петербургского университета. Ещё учась в университете Мамин начинает писать рассказы, а вернувшись в родной город (после смерти отца он вынужден был прервать учёбу, поскольку семья осталась без средств к существованию) он вплотную занялся литературной работой и опубликовал свои первые рассказы под псевдонимом Мамин-Сибиряк. Кроме рассказов он писал сказки. Дочь писателя, Алёнушка, была тяжело больна и отцу приходилось много времени проводить у её кровати, развлекая девочку. Так появились сказки, позже объединённые в сборник «Алёнушкины сказки», который до наших дней входит в число любимых детских книг.

Кроме того Мамин-Сибиряк писал для детей рассказы о природе, практически став зачинателем этого жанра в русской литературе.

Серая Шейка

Серая Шейка – маленькая уточка. У неё было переломлено крыло ещё весной, когда подкралась к выводку Лиса и схватила утёнка. Старая Утка смело бросилась на врага и отбила утёнка; но одно крылышко оказалось сломанным. Серая Шейка не могла осенью лететь на юг со всеми остальными птицами.

1

Старая Утка ввиду близившейся разлуки относилась к дочери-калеке с удвоенной нежностью. Бедняжка ещё не знала, что такое разлука и одиночество, и смотрела на сборы других в дорогу с любопытством новичка. Правда, ей иногда делалось завидно, что её братья и сёстры так весело собираются к отлёту, что они будут опять где-то там, далеко-далеко, где не бывает зимы.

– Ведь вы весной вернётесь? – спрашивала Серая Шейка у матери.

– Да, да, вернёмся, моя дорогая… И опять будем жить все вместе…

Старой Утке нужно было собрать все силы, чтобы не выдать своего отчаяния. Она старалась казаться весёлой и плакала потихоньку от всех. Ах, как ей жаль милой, бедненькой Серой Шейки… Других детей она теперь почти не замечала и не обращала на них внимания, и ей казалось, что она даже совсем их не любит.

А как быстро летело время… Был уже целый ряд холодных утренников, и от инея пожелтели берёзки и покраснели осины. Вода в реке потемнела, и сама река казалась больше, потому что берега оголели… Холодный осенний ветер обрывал засыхавшие листья и уносил их. Небо часто покрывалось тяжёлыми осенними облаками, ронявшими мелкий осенний дождь. Вообще хорошего было мало, и который день уже неслись мимо стаи перелётной птицы… Первыми тронулись болотные птицы, потому что болота уже начали замерзать. Дольше всех оставались водоплавающие. Серую Шейку больше всего огорчал перелёт журавлей, потому что они так жалобно курлыкали, точно звали её с собой…

«Как им, должно быть, хорошо», – думала Серая Шейка.

Лебеди, гуси и утки тоже начинали готовиться к отлёту. Отдельные гнёзда соединялись в большие стаи. Старые и бывалые птицы учили молодых. Каждое утро эта молодёжь с весёлым криком делала большие прогулки, чтобы укрепить крылья для далёкого перелёта. Умные вожаки сначала обучали отдельные партии, а потом всех вместе… Сколько было крика, молодого веселья и радости…

Одна Серая Шейка не могла принимать участия в этих прогулках и любовалась ими только издали. Что делать, приходилось мириться со своей судьбой. Зато как она плавала, как ныряла. Вода для неё составляла всё.

– Нужно отправляться… пора! – говорили старики вожаки. – Что нам здесь ждать?

А время летело, быстро летело… Наступил и роковой день. Вся стая сбилась в одну живую кучу на реке. Это было ранним осенним утром, когда вода ещё была покрыта густым туманом. Утиный косяк сбился из трёхсот штук. Слышно было только кряканье главных вожаков. Старая Утка не спала́ всю ночь – это была последняя ночь, которую она проводила вместе с Серой Шейкой.

– Ты держись вон около того берега, где в реку сбегает ключик, – советовала она. – Там вода не замёрзнет целую зиму…

Серая Шейка держалась в стороне от косяка, как чужая… Да, все были так заняты общим отлётом, что на неё никто не обращал

внимания. У Старой Утки изболелось всё сердце, глядя на бедную Серую Шейку. Несколько раз она решала про себя, что останется; но как останешься, когда есть другие дети и нужно лететь вместе с косяком?..

– Ну, трогай! – громко скомандовал главный вожак, и стая поднялась разом вверх.

Серая Шейка осталась на реке одна и долго провожала глазами улетевший косяк. Сначала все летели одной живой кучей, а потом вытянулись в правильный треугольник и скрылись…

2

Река, на которой осталась Серая Шейка, весело катилась в горах, покрытых густым лесом. Место было глухое, и никакого жилья кругом. По утрам вода у берегов начинала замерзать, а днём тонкий, как стекло, лёд таял.

«Неужели вся река замёрзнет?» – думала Серая Шейка с ужасом…

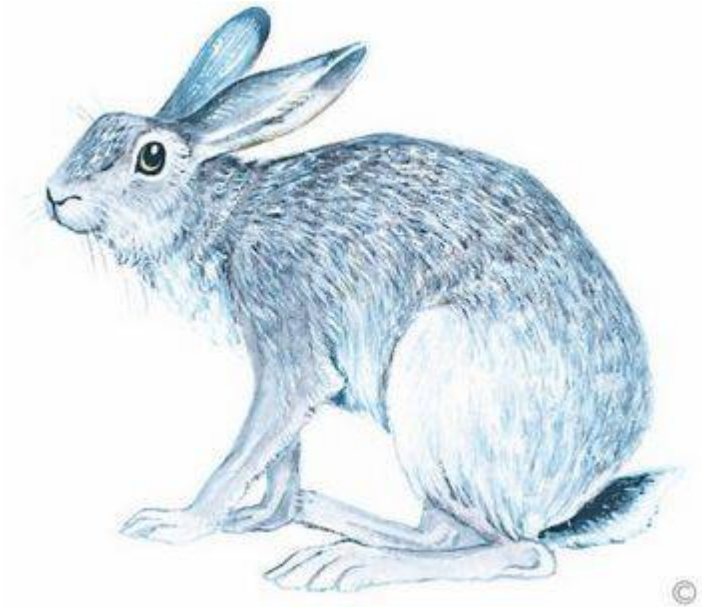
Река была пуста, и жизнь сохранялась только в лесу, где посвистывали рябчики, прыгали белки и зайцы. Раз со скуки Серая Шейка забралась в лес и страшно перепугалась, когда из-под куста кубарем вылетел Заяц.

– Ах, как ты меня напугала, глупая! – проговорил Заяц, немного успокоившись. – Душа в пятки ушла… И зачем ты толчёшься здесь? Ведь все утки давно улетели…

– Я не могу лететь: Лиса мне крылышко перекусила, когда я ещё была совсем маленькой…

– Уж эта мне Лиса! Нет хуже зверя… Она и до меня давно добирается… Ты берегись её, особенно когда река покроется льдом. Как раз сцапает…

Они познакомились. Заяц был такой же беззащитный, как и Серая Шейка, и спасал свою жизнь постоянным бегством.

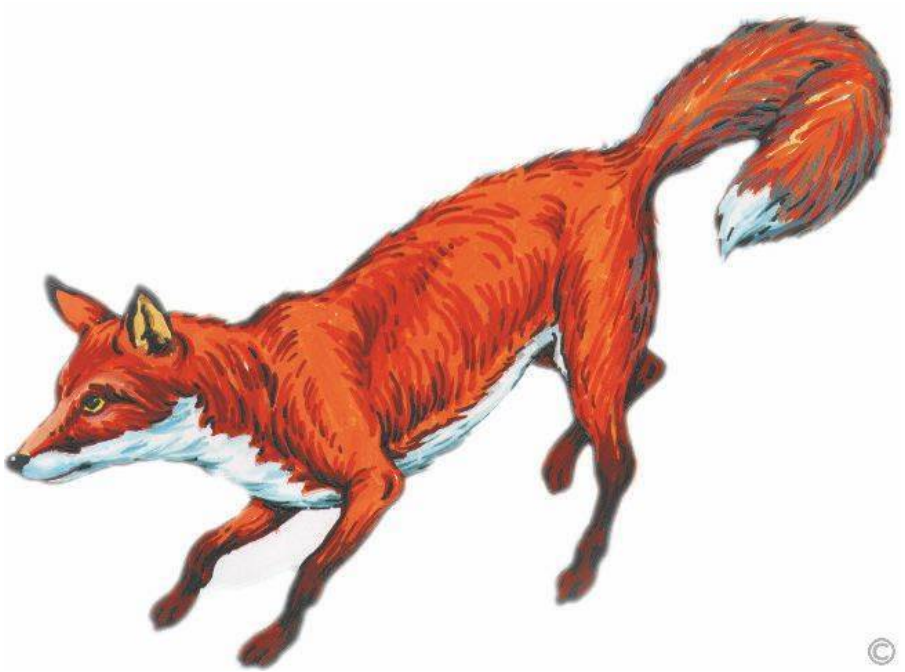


– Если бы мне крылья, как птице, так я бы, кажется, никого на свете не боялся!.. У тебя вот хоть и крыльев нет, так зато ты плавать умеешь, а не то возьмёшь и нырнёшь в воду, – говорил он. – А я постоянно дрожу со страху… У меня – кругом враги. Летом ещё можно спрятаться куда-нибудь, а зимой всё видно.

3

Скоро выпал и первый снег, а река всё ещё не поддавалась холоду. Борьба шла не на жизнь, а на смерть. Всего опаснее были ясные, звёздные ночи, когда всё затихало и на реке не было волн. Река точно засыпала, и холод старался сковать её льдом, сонную. Так и случилось. Была тихая-тихая звёздная ночь. Тихо стоял тёмный лес на берегу, точно стража из великанов… Бурлившая днём горная река присмирела, и к ней тихо-тихо подкрался холод, крепко обнял гордую непокорную красавицу и точно прикрыл её зеркальным стеклом. Серая Шейка была в отчаянии, потому что не замёрзла самая середина реки, где образовалась широкая полынья́[7]. Свободного места, где можно было плавать, оставалось не больше пятнадцати сажен. Огорчение Серой Шейки дошло до последней степени, когда на берегу показалась Лиса, – это была та самая Лиса, которая переломила ей крыло.

– А, старая знакомая, здравствуй! – ласково проговорила Лиса, останавливаясь на берегу. – Давненько мы не видались… Поздравляю с зимой.



– Уходи, пожалуйста, я совсем не хочу с тобой разговаривать, – ответила Серая Шейка.

– Это за мою-то ласку! Хороша же ты, нечего сказать!.. А впрочем, про меня лишнего много говорят. Сами наделают что-нибудь, а потом на меня и свалят… Пока – до свиданья!

Когда Лиса убралась, приковылял Заяц и сказал:

– Берегись, Серая Шейка: она опять придёт.

4

И Серая Шейка тоже начала бояться, как боялся Заяц. Бедная даже не могла любоваться творившимися кругом неё чудесами. Наступила уже настоящая зима. Земля была покрыта белоснежным ковром. Не оставалось ни одного тёмного пятнышка. Даже голые берёзы, ольхи, ивы и рябины убрались инеем, точно серебристым пухом. А ели сделались ещё важнее. Они стояли засыпанные снегом, как будто надели дорогую тёплую шубу. Да, чу́дно, хорошо было кругом; а бедная Серая Шейка знала только одно: что эта красота не для неё, и трепетала при одной мысли, что её полынья вот-вот замёрзнет и ей некуда будет деться. Лиса действительно пришла через несколько дней, села на берегу и опять заговорила:

– Соскучилась я по тебе, уточка… Выходи сюда; а не хочешь, так я сама к тебе приду. Я не спеси́ва…

И Лиса принялась ползти осторожно по льду к самой полынье. У Серой Шейки за́мерло сердце. Но Лиса не могла подобраться к самой воде, потому что там лёд был ещё очень тонок. Она положила голову на передние лапки, облизнулась и проговорила:

– Какая ты глупая, уточка… Вылезай на лёд! А впрочем, до свиданья! Я тороплюсь по своим делам…

Лиса начала приходить каждый день – проведать, не застыла ли полынья. Наступившие морозы делали своё дело. От большой полыньи оставалось всего одно окно в сажень величиной. Лёд был крепкий, и Лиса садилась на самом краю. Бедная Серая Шейка со страху ныряла в воду, а Лиса сидела и зло посмеивалась над ней:

– Ничего, ныряй, а я тебя всё равно съем… Выходи лучше сама.

Заяц видел с берега, что проделывает Лиса, и возмущался всем своим заячьим сердцем:

– Ах, какая бессовестная эта Лиса!.. Какая несчастная эта Серая Шейка! Съест её Лиса…

5

По всей вероятности, Лиса и съела бы Серую Шейку, когда полынья замёрзла бы совсем, но случилось иначе. Заяц всё видел своими собственными косыми глазами.

Дело было утром. Заяц выскочил из своего логовища покормиться и поиграть с другими зайцами. Мороз был здоровый, зайцы грелись, поколачивая лапку о лапку. Хотя и холодно, а всё-таки весело.

– Братцы, берегитесь! – крикнул кто-то.

Действительно, опасность была на носу. На опушке леса стоял сгорбленный старичок охотник, который подкрался на лыжах совершенно неспешно и высматривал, которого бы зайца застрелить.

«Эх, тёплая старухе шуба будет», – соображал он, выбирая самого крупного зайца.

Он даже прицелился из ружья, но зайцы его заметили и кинулись в лес, как сумасшедшие.

– Ах, лукавцы! – рассердился старичок. – Вот ужо я вас… Того не понимают, глупые, что нельзя старухе без шубы. Не мёрзнуть же ей… А Акинтича не обманете, сколько ни бегайте. Акинтич-то похитрее будет… А старуха Акинтичу вот как наказывала: «Ты

смотри, старик, без шубы не приходи». А вы сигать.

Старичок пустился разыскивать зайцев по следам, но зайцы рассыпались по лесу, как горох. Старичок порядком измучился, обругал лукавых зайцев и присел на берегу реки отдохнуть.

– Эх, старуха, старуха, убежала наша шуба! – думал он вслух. – Ну, вот отдохну и пойду искать другую…

6

Сидит старичок, горюет, а тут, глядь, Лиса по реке ползёт, – так и ползёт, точно кошка.

– Ге, ге, вот так штука! – обрадовался старичок. – К старухиной-то шубе и воротник сам ползёт… Видно, пить захотела, а то, может, и рыбки вздумала половить.

Лиса действительно подползла к самой полынье, в которой плавала Серая Шейка, и улеглась на льду. Стариковские глаза видели плохо и из-за Лисы не замечали утки.

«Надо так её застрелить, чтобы воротника не испортить, – соображал старик, прицеливаясь в Лису. – А то вот как старуха будет браниться, если воротник-то в дырьях окажется…»

Старичок долго прицеливался… наконец грянул выстрел. Сквозь дым от выстрела охотник увидел, как что-то метнулось по льду – и со всех ног кинулся к полынье; по дороге он два раза упал, а когда добежал до полыньи, то только развёл руками, – воротника как не бывало, а в полынье плавала одна перепуганная Серая Шейка.

– Вот так штука! – ахнул старичок, разводя руками. – В первый раз вижу, как лиса в утку обратилась. Ну и хитёр же зверь.

– Дедушка, Лиса убежала, – объяснила Серая Шейка.

– Убежала? Вот тебе, старуха, и воротник к шубе… Что же я теперь буду делать, а? Ну и грех вышел… А ты, глупая, зачем тут плаваешь?

– А я, дедушка, не могла улететь вместе с другими. У меня одно крылышко попорчено…

– Ах, глупая, глупая… Да ведь ты замёрзнешь тут или Лиса тебя съест! Да…

Старичок подумал-подумал, покачал головой и решил:

– А мы вот с тобой что сделаем: я тебя внучка́м отнесу. Вот-то обрадуются… А весной ты старухе яичек нанесёшь да утяток выведешь. Так я говорю? Вот то-то, глупая…

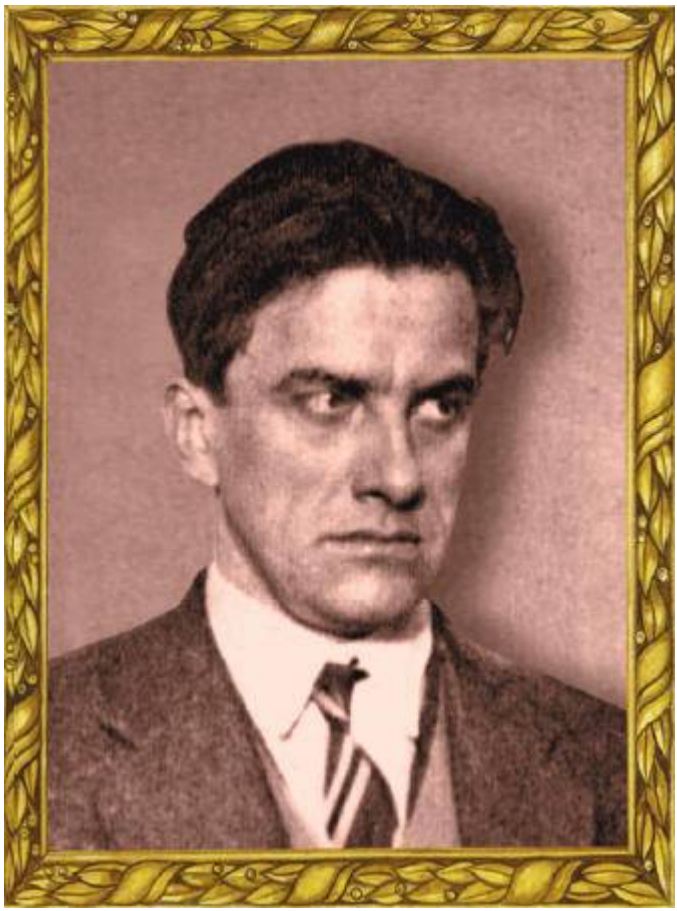
Старичок добыл Серую Шейку из полыньи и положил за пазуху.

«А старухе я ничего не скажу, – соображал он, направляясь

домой. – Пусть её шуба с воротником вместе ещё погуляют в лесу. Главное: внучки вот как обрадуются…»

Зайцы всё это видели и весело смеялись. Ничего, старуха и без шубы на печке не замёрзнет.

Маяковский Владимир Владимирович



1893–1930
советский поэт

Будущий поэт родился на Кавказе в семье лесничего. Его отец рано умер от заражения крови, и после его смерти семья перебралась в Москву в надежде наладить своё материальное положение.

Писать стихи Маяковский начал в тюрьме, куда попал за участие в подпольной работе. Выйдя из тюрьмы Маяковский поступил в Московское училище живописи, ваяния и зодчества, хотя художественное творчество его мало интересовало. Но училище было единственным листом обучения, где от учащихся

не требовали справок о благонадёжности. В училище он продолжает писать стихи, упорно выискивая новые поэтические формы, поскольку та поэзия, которую он читал, не отражала той жизни, которой он жил.

Уже в ранних стихах Маяковского появляются черты лирического героя, который напряжённо и мучительно стремится к самопознанию. Он строит свои стихи очень необычно, используя характерное качество гротеска – сочетание правдоподобности и фантастики, а также разбивая их по интонации. Самым знаменитым его произведением в дореволюционном периоде творчества становится поэма «Облако в штанах». В этом лирическом произведении с ярким, бунтарским характером Маяковский осознаёт себя певцом человечества, поднимающегося на борьбу с угнетающим его строем.

Октябрьская революция, которую поэт восторженно приветствовал определила характер его послереволюционной лирики. Он пишет стихи, прославляющие строительство нового социалистического общества и идеального человека, творца этого нового строя.

Маяковский много ездит по стране и за рубежом, много пишет стихов и пьес, персонажи из которых вошли в галерею лучших сатирических образов. «Жизнь прекрасна и удивительна» – таков лейтмотив послеоктябрьского периода творчества Маяковского. Но при этом он ведёт беспощадную войну с мещанством и бюрократией, мешающим строительству этой новой жизни.

Личная судьба Маяковского трагична: нарастающий в его душе конфликт с окружающим миром и личная неустроенность привели его к трагическому концу: в 1930 г. он застрелился.

История Власа – лентяя и лоботряса *(В сокращении)*

Влас Прогулкин —
милый мальчик,
спать ложился,
взяв журнальчик.
Всё в журнале
интересно.
– Дочитаю весь,
хоть тресну! —
Ни отец его,
ни мать
не могли
заставить спать.

Засыпает на рассвете,
скомкав
    ёрзаньем
            кровать,
в час,
    когда
        другие дети
бодро

начали вставать.
Когда
другая детвора
чаёвничает, вставши,
отец
орёт ему:
– Пора! —

Он —
одеяло на́ уши.
Разошлись
другие
в школы, —
Влас
у крана
полуголый —
не дремалось в школе чтоб,
моет нос
и мочит лоб.

Без чаю
и без калача
выходит,
еле волочась.

Пошагал

и встал разиней:
вывеска на магазине.
Грамота
на то и есть!
Надо
вывеску
прочесть!
Прочёл.
Пошёл.
Минуты с три —
опять застрял
у двух витрин.

Как-никак,
а к школьным зданиям
пришёл
с огромным опозданием.
Дверь на ключ.
Толкнулся Влас —
не пускают Власа
в класс!

Этак ждать
расчёта нету.
«Сыграну-ка
я в монету!»
Проиграв
один пятак,
не оставил дела так…
Словом,
не заметил сам,
как промчались
три часа.
Что же делать —
вывод ясен:
возвратился восвояси!

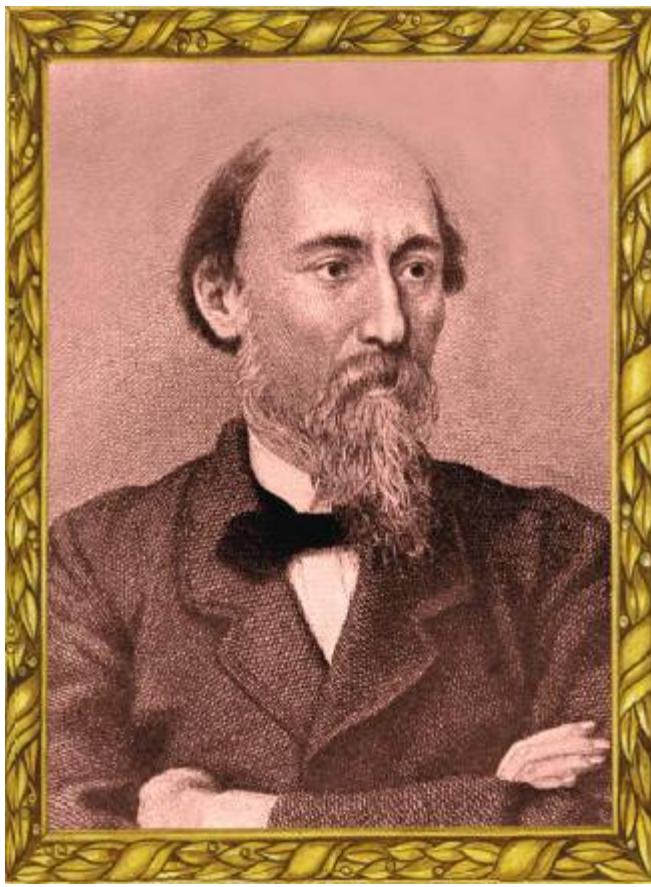
Пришёл в грустя́х,
чтоб видели
соседи
и родители.
Те
к сыночку:
– Что за вид?
– Очень голова болит.
Так трещала,
что не мог
даже
высидеть урок!
Словом,
вырос этот Влас —

настоящий лоботряс…

Дети,
не будьте
такими, как Влас!
Радостно

книгу возьмите
и – в класс!
Вооружись
учебником-книгой!
С детства мозги
развивай и двигай!
Помни про школу —
только с ней
станешь
строителем
радостных дней!

Некрасов Николай Алексеевич



(1821–1878)
поэт, прозаик, критик, издатель

Детские годы Некрасова прошли на Волге, в селе Грешнево Ярославской губернии. Отец его был помещиком, человеком грубым, угнетавшим не только крестьян, но и свою семью. Зато мать мальчика была любящей и доброй женщиной, которая бесстрашно заступалась за крестьян. Некрасов часто и с любовью воскрешал в своих стихах образ матери. Именно из Грешнева Некрасов-поэт вынес исключительную чуткость к чужому страданию.

Когда ему исполнилось 10 лет, его отдали в Ярославскую гимназию, из которой он ушел после пятого класса, так как отец отказался платить за обучение. В 17 лет Некрасов поехал в Петербург, чтобы поступить в университет. Но отец хотел, чтобы

сын стал военным, поэтому оставил его без материальной поддержки.

Чтобы не умереть с голоду, талантливый юноша начал писать стихи и рассказы по заказу столичных книготорговцев. В Петербурге Некрасов сблизился с критиком В. Г. Белинским, который оказал на молодого поэта огромное влияние.

В 1847 году писатель И. И. Панаев вместе с Некрасовым приобрели журнал «Современник», основанный А. С. Пушкиным. В эти годы расцветает редакторский талант Некрасова, сумевшего объединить вокруг журнала лучших литераторов 40–60-х годов. Однако в 1866 году правительство запретило издательство журнала.

Спустя полтора года Некрасов арендует журнал «Отечественные записки» и с 1868 года до самой смерти остается его редактором.

Первый сборник «Коробейники» (1856 год) принес поэту известность, выпущенная в этом же году книга «Крестьянские дети» закрепила успех и подтвердила самобытный яркий талант великого поэта. После этого выйдет еще много произведений Некрасова, воспевающего жизнь и характер своего народа.

«Как молоком облитые…»

Как молоком облитые,
Стоят сады вишнёвые,
Тихохонько шумят;
Пригреты тёплым солнышком,
Шумят повеселелые
Сосновые леса;
А рядом новой зеленью
Лепечут песню новую
И липа бледнолистая,
И белая берёзонька
С зелёною косой!
Шумит тростинка малая,
Шумит высокий клён…
Шумят они по-новому,
По-новому, весеннему…
Идёт-гудёт Зелёный Шум,
Зелёный Шум, весенний шум!..

Мужичок с ноготок

Однажды, в студёную зимнюю пору,
Я из лесу вышел; был сильный мороз.
Гляжу, поднимается медленно в гору
Лошадка, везущая хворосту воз.
И, шествуя важно, в спокойствии чинном,
Лошадку ведёт под уздцы мужичок
В больших сапогах, в полушубке
овчинном,
В больших рукавицах… а сам с ноготок!
– Здорово, парнище! – «Ступай себе
мимо!»

– Уж больно ты грозен, как я погляжу!
Откуда дровишки? – «Из лесу, вестимо;
Отец, слышишь, рубит, а я отвожу».
(В лесу раздавался топор дровосека.)
– А что, у отца-то большая семья? —
«Семья-то большая, да два человека
Всего мужиков-то: отец мой да я…»
– Так вон оно что! А как звать тебя? —
«Власом».
– А кой тебе годик? – «Шестой
миновал…
Ну, мёртвая!» – крикнул малюточка
басом,
Рванул под уздцы и быстрей зашагал.

«Славная осень! Здоровый, ядрёный…»

Славная осень! Здоровый, ядрёный
Воздух усталые силы бодрит;
Лёд неокрепший на речке студёной
Словно как тающий сахар лежит;
Около леса, как в мягкой постели,
Выспаться можно – покой и простор! —
Листья поблёкнуть ещё не успели,
Жёлты и свежи лежат, как ковёр…

(Из стихотворения «Железная дорога»)

«Не ветер бушует над бором…»

Не ветер бушует над бором,
Не с гор побежали ручьи,
Мороз-воевода дозором
Обходит владенья свои.

Глядит – хорошо ли метели
Лесные тропы занесли,
И нет ли где трещины, щели,
И нет ли где голой земли?

Пушисты ли сосен вершины,
Красив ли узор на дубах?
И крепко ли скованы льдины
В великих и малых водах?

Идёт – по деревьям шагает,
Трещит по замёрзлой воде,
И яркое солнце играет
В косматой его бороде…

Забравшись на со́сну большую,
По веточкам палицей бьёт
И сам про себя удалую,
Хвастливую песню поёт:

«Метели, снега и туманы
Покорны морозу всегда,
Пойду на моря-океаны —
Построю дворцы изо льда.

Задумаю – реки большие
Надолго упрячу под гнёт,
Построю мосты ледяные,
Каких не построит народ.

Где быстрые, шумные воды
Недавно свободно текли, —
Сегодня прошли пешеходы,
Обозы с товаром прошли…

Богат я, казны не считаю,
А всё не скудеет добро;
Я царство моё убираю
В алмазы, жемчуг, серебро».

(Из поэмы «Мороз, Красный Нос»)

Дедушка Мазай и зайцы

1

В августе, около «Малых Вежей»,
С старым Мазаем я бил дупелей.

Как-то особенно тихо вдруг стало,
На́ небе солнце сквозь тучу играло.

Тучка была небольшая на нём,
А разразилась жестоким дождём!

Пря́мы и све́тлы, как прутья стальные,
В землю вонзились струй' дождевые

С силой стремительной… Я и Мазай,
Мокрые, скрылись в какой-то сарай.

Дети, я вам расскажу про Мазая.
Каждое лето домой приезжая,

Я по неделе гощу у него.
Нравится мне деревенька его:

Летом её убирая красиво,
Исстари хмель в ней родится на диво,

Вся она тонет в зелёных садах;
Домики в ней на высоких столбах

(Всю эту местность вода понимает[8],
Так что деревня весною всплывает,

Словно Венеция[9]. Старый Мазай
Любит до страсти свой низменный край.

Вдов он, бездетен, имеет лишь внука,
Торной[10] дорогой ходить ему – скука!

За́ сорок вёрст в Кострому прямиком
Сбегать лесами ему нипочём:

«Лес не дорога: по птице, по зверю
Выпалить можно». – А леший? —
«Не верю!

Раз в кураже[11] я их звал-поджидал
Целую ночь – никого не видал!

За день грибов насбираешь корзину,
Ешь мимоходом бруснику, малину;

Вечером пеночка нежно поёт,
Словно как в бочку пустую удод[12]

Ухает; сыч[13] разлетается к ночи,
Рожки точёны, рисованы очи.

Ночью… ну, ночью робел я и сам:
Очень уж тихо в лесу по ночам.

Тихо, как в церкви, когда отслужили
Службу и накрепко дверь затворили, —

Разве какая сосна заскрипит,
Словно старуха во сне проворчит…»

Дня не проводит Мазай без охоты.
Жил бы он славно, не знал бы заботы,

Кабы не стали глаза изменять:
Начал частенько Мазай пуделять[14].

Впрочем, в отчаянье он не приходит:
Выпалит дедушка, – заяц уходит,

Дедушка пальцем косому грозит:
«Врёшь – упадёшь!» – добродушно
кричит.

Знает он много рассказов забавных
Про деревенских охотников славных:

Кузя сломал у ружьишка курок,
Спичек таскает с собой коробок,

Сядет за ку́стом – тетерю подманит,
Спичку к затравке приложит – и грянет!

Ходит с ружьишком другой зверолов,
Носит с собою горшок угольков.

«Что ты таскаешь горшок с угольками?»
– Больно, родимый, я зябок руками;

Ежели зайца теперь сослежу,
Прежде я сяду, ружьё положу,

Над уголёчками руки погрею
Да уж потом и палю по злодею! —

«Вот так охотник!» – Мазай прибавлял.
Я, признаюсь, от души хохотал.

Впрочем, милей анекдотов крестьянских
(Чем они хуже, однако, дворянских?)

Я от Мазая рассказы слыхал.
Дети, для вас я один записал…

2

Старый Мазай разболтался в сарае:
«В нашем болотистом, низменном крае
Впятеро больше бы дичи велось,
Кабы сетями её не ловили,
Кабы силками её не давили;
Зайцы вот тоже, – их жалко до слёз!
Только весенние воды нахлынут,
И без того они сотнями гинут[15], —
Нет! ещё мало! бегут мужики,
Ловят, и топят, и бьют их баграми.
Где у них совесть?.. Я раз за дровами
В лодке поехал – их много с реки
К нам в половодье весной нагоняет, —
Еду, ловлю их. Вода прибывает.
Вижу один островок небольшой —
Зайцы на нём собралися гурьбой.
С каждой минутой вода подбиралась
К бедным зверькам; уж под ними осталось
Меньше аршина земли в ширину,
Меньше сажени в длину.
Тут я подъехал: лопочут ушами,
Сами ни с места; я взял одного,
Прочим скомандовал: прыгайте сами!
Прыгнули зайцы мои, – ничего!
Только уселась команда косая,
Весь островочек пропал под водой.
«То-то! – сказал я: – не спорьте со мной!
Слушайтесь, зайчики, деда Мазая!»
Этак гуторя, плывём в тишине.

Столбик не столбик, зайчишка на пне,
Лапки скрестивши стоит, горемыка,
Взял и его – тягота не велика!
Только что начал работать веслом,
Глядь, у куста копошится зайчиха —
Еле жива, а толста, как купчиха!
Я её, дуру, накрыл зипуном[16] —
Сильно дрожала… Не рано уж было.
Мимо бревно суковатое плыло,
Сидя, и стоя, и лёжа пластом,
Зайцев с десяток спасалось на нём.
«Взял бы я вас – да потопите лодку!»
Жаль их, однако, да жаль и находку —
Я зацепился багром за сучок
И за собою бревно поволок…
Было потехи у баб, ребятишек,
Как прокатил я деревней зайчишек:
«Глянь-ко: что делает старый Мазай!»
Ладно! любуйся, а нам не мешай!
Мы за деревней в реке очутились.
Тут мои зайчики точно сбесились:
Смотрят, на задние лапки встают,
Лодку качают, грести не дают:
Берег завидели, плу́ты косые,
Озимь, и рощу, и ку́сты густые!..
К берегу плотно бревно я пригнал,
Лодку причалил – и «с богом!» сказал…
И во весь дух
Пошли зайчишки.

А я им: «У-ух!
Живей, зверишки!
Смотри, косой,
Теперь спасайся,
А чур – зимой
Не попадайся!
Прицелюсь – бух!
И ляжешь… Ууу-х!..»
Мигом команда моя разбежалась,
Только на лодке две пары осталось —
Сильно измокли, ослабли; в мешок
Я их поклал – и домой приволок.
За ночь больные мои отогрелись,
Высохли, выспались, плотно наелись,
Вынес я их на лужок; из мешка
Вытряхнул, ухнул – и дали стречка!
Я проводил их всё тем же советом:
«Не попадайтесь зимой!»
Я их не бью ни весною, ни летом:
Шкура плохая – линяет косой…»

Пушкин Александр Сергеевич

(1799–1837)
поэт, прозаик, драматург, критик

Александр Сергеевич Пушкин родился в Москве в семье отставного майора Сергея Львовича Пушкина, принадлежавшего к старинному, но обедневшему дворянскому роду. Мать поэта, Надежда Осиповна, была внучкой Ибрагима Ганнибала, выходца из Северной Абиссинии.

Пушкин, как и все дворянские дети того времени, получил домашнее образование у гувернеров и учителей-французов.

Но русские народные сказки, былины, предания, звучавшие из уст его няни Арины Родионовны, раскрыли перед будущим поэтом красоту и величие русского языка, пробудив в нем любовь к русскому народу.

В 1811 году Пушкин поступил в Царскосельский лицей. Время учебы в Царском Селе совпало со знаменательным событием в истории России – победой в Отечественной войне 1812 года, поэтому стихи Пушкина этого периода проникнуты патриотическим духом, любовью к России и ее народу.

Самым значительным стихотворением этого времени было «Воспоминания в Царском Селе», которое Пушкин прочитал на выпускном экзамене в Лицее в 1815 году. Имя поэта стало известно за пределами Лицея.

После окончания учебы, живя в Петербурге, Пушкин завершает свое первое крупное произведение – поэму-сказку «Руслан и Людмила», в которой он обращается к истории русского народа и широко использует старинные русские сказания.

За вольнолюбивые стихи и эпиграммы на царя в 1820 году Пушкин был выслан из Петербурга на юг. В ссылке на Кавказе, в Крыму, Молдавии и Одессе поэт пробыл 4 года. На юге он начал писать роман в стихах «Евгений Онегин», который закончил в 1830 году. Этот год творческой жизни поэта вошел в историю под названием «Болдинская осень». Пушкин пробыл в имении Болдино три месяца, которые считаются вершиной творчества великого поэта. В 1830 году он создал пять прозаических произведений под общим названием «Повести покойного Ивана Петровича Белкина». В 30-е годы Пушкин все чаще обращается к прозе. Царь и его окружение ненавидели «певца свободы» и поэтому расправились с поэтом рукой чужеземца Ж. Дантеса. 27 января 1837 года между ним и Пушкиным состоялась дуэль. Поэт защищал честь жены, своей семьи и был тяжело ранен.

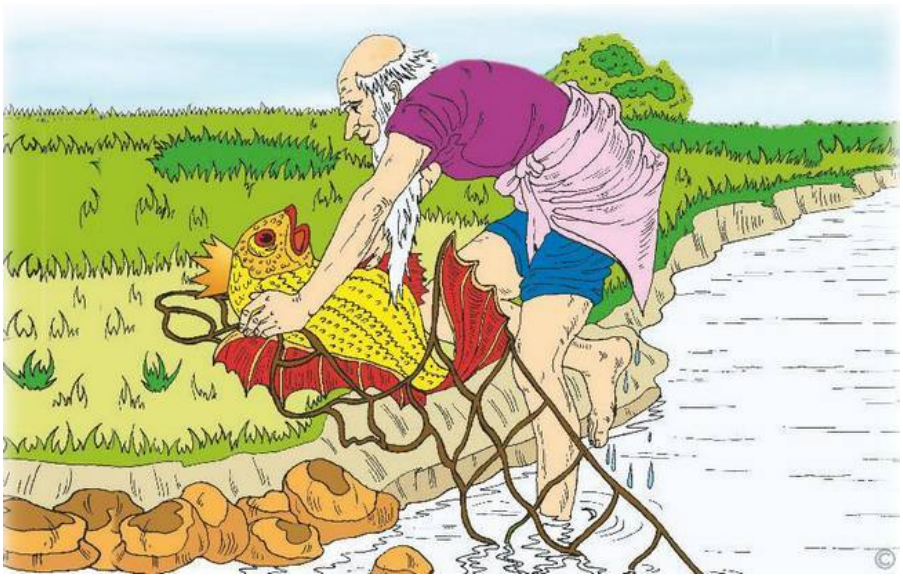
Через два дня Пушкина не стало.

Сказка о рыбаке и рыбке

Жил старик со своею старухой
У самого синего моря;
Они жили в ветхой землянке
Ровно тридцать лет и три года.
Старик ловил неводом[17] рыбу,
Старуха пряла свою пряжу.
Раз он в море закинул невод, —
Пришёл невод с одною тиной.
Он в другой раз закинул невод, —
Пришёл невод с травой морскою.
В третий раз закинул он невод, —
Пришёл невод с одною рыбкой,
С непростою рыбкой, – золотою.
Как взмолится золотая рыбка!
Голосом молвит человечьим:
«Отпусти ты, старче[18] меня в море,
Дорогой за себя дам откуп:
Откуплюсь чем только пожелаешь».
Удивился старик, испугался:

Он рыбачил тридцать лет и три года
И не слыхивал, чтоб рыба говорила.
Отпустил он рыбку золотую
И сказал ей ласковое слово:
«Бог с тобою, золотая рыбка!
Твоего мне откупа не надо;
Ступай себе в синее море,
Гуляй там себе на просторе».

Воротился старик ко старухе,
Рассказал ей великое чудо:
«Я сегодня поймал было рыбку,
Золотую рыбку, не простую;



По-нашему говорила рыбка,
Домой в море синее просилась,
Дорогою ценою откупалась:
Откупалась чем только пожелаю.
Не посмел я взять от неё выкуп;
Так пустил её в синее море».
Старика старуха забранила:
«Дурачина ты, простофиля!
Не умел ты взять выкупа с рыбки!
Хоть бы взял ты с неё корыто,

Наше-то совсем раскололось».
Вот пошёл он к синему морю;
Видит – море слегка разыгралось.
Стал он кликать золотую рыбку,
Приплыла к нему рыбка, спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»
Ей с поклоном старик отвечает:
«Смилуйся, государыня рыбка,
Разбранила меня моя старуха,
Не даёт старику мне покою:
Надобно ей новое корыто;
Наше-то совсем раскололось».
Отвечает золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себе с богом,
Будет вам новое корыто».

Воротился старик ко старухе,
У старухи новое корыто.
Ещё пуще старуха бранится:
«Дурачина ты, простофиля!
Выпросил, дурачина, корыто!
В корыте много ль коры́сти[19]?
Воротись, дурачина, ты к рыбке;
Поклонись ей, выпроси уж избу».
Вот пошёл он к синему морю
(Помутилося синее море),
Стал он кликать золотую рыбку,
Приплыла к нему рыбка, спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»
Ей старик с поклоном отвечает:
«Смилуйся, государыня рыбка!
Ещё пуще старуха бранится,
Не даёт старику мне покою:
Избу просит сварливая баба».
Отвечает золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себе с богом,
Так и быть: изба вам уж будет».

Пошёл он ко своей землянке,
А землянки нет уж и следа;
Перед ним изба со светёлкой[20],
С кирпичною, белёною трубою,
С дубовыми, тесовыми вороты[21].
Старуха сидит под окошком,

На чём свет стоит мужа ругает:
«Дурачина ты, прямой простофиля!
Выпросил, простофиля, избу!
Воротись, поклонись рыбке:
Не хочу быть чёрной крестьянкой,
Хочу быть столбовой дворянкой[22]».

Пошёл старик к синему морю
(Не спокойно синее море);
Стал он кликать золотую рыбку.
Приплыла к нему рыбка, спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»
Ей с поклоном старик отвечает:
«Смилуйся, государыня рыбка!
Пуще прежнего старуха вздурилась,
Не даёт старику мне покою:
Уж не хочет быть она крестьянкой,
Хочет быть столбовою дворянкой».
Отвечает золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себе с богом».

Воротился старик ко старухе.
Что ж он видит? Высокий терем.
На крыльце стоит его старуха
В дорогой собо́льей душегре́йке[23],
Парчовая на маковке кичка[24],
Жемчуги́ огрузи́ли шею,
На руках золотые перстни,
На ногах красные сапожки.
Перед нею усердные слуги;
Она бьёт их, за чупру́н[25] таскает.
Говорит старик своей старухе:
«Здравствуй, барыня суда́рыня,
дворянка!
Чай, теперь твоя душенька
довольна».
На него прикрикнула старуха,
На конюшне служить его послала.

Вот неделя, другая проходит,
Ещё пуще старуха вздурилась;
Опять к рыбке старика посылает.
«Воротись, поклонися рыбке:
Не хочу быть столбовою дворянкой,
А хочу быть вольною царицей».
Испугался старик, взмолился:
«Что ты, баба, белены́ объе́лась[26]?
Ни ступить, ни молвить не умеешь!
Насмешишь ты целое царство».
Осердилась пуще старуха,
По щеке ударила мужа.
«Как ты смеешь, мужик, спорить
со мною,
Со мною, дворянкой столбовою? —
Ступай к морю, говорят тебе честью,
Не пойдёшь, поведут поневоле».

Старичок отправился к морю
(Почернело синее море).
Стал он кликать золотую рыбку.
Приплыла к нему рыбка, спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»
Ей с поклоном старик отвечает:
«Смилуйся, государыня рыбка!
Опять моя старуха бунтует:
Уж не хочет быть она дворянкой,
Хочет быть вольною царицей».
Отвечает золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себе с богом!
Добро! будет старуха царицей!»

Старичок к старухе воротился.
Что ж? Пред ним царские палаты[27].
В палатах видит свою старуху,

За столом сидит она царицей,
Служат ей бояре[28] да дворяне,
Наливают ей заморские вины;
Заедает она пряником печатным[29];
Вкруг её стоит грозная стража,
На плечах топорики держат.
Как увидел старик, – испугался;
В ноги он старухе поклонился,

Молвил: «Здравствуй, грозная царица!
Ну теперь твоя душенька довольна».
На него старуха не взглянула,
Лишь с очей[30] прогнать его велела.
Подбежали бояре и дворяне,
Старика взашей затолкали.
А в дверях-то стража подбежала,
Топорами чуть не изрубила;

А народ-то над ним насмеялся:
«Поделом тебе, старый невежа!
Впредь тебе, невежа, наука:
Не садись не в свои сани!»
Вот неделя, другая проходит,
Ещё пуще старуха вздурилась:
Царедворцев за мужем посылает,
Отыскали старика, привели к ней.
Говорит старику старуха:
«Воротись, поклонися рыбке.
Не хочу быть вольною царицей.
Хочу быть владычицей морскою,
Чтобы жить мне в Окияне-море,
Чтоб служила мне рыбка золотая
И была б у меня на посылках[31]».

Старик не осмелился пере́чить[32],
Не дерзнул поперёк слова молвить.
Вот идёт он к синему морю,
Видит, на море чёрная буря:
Так и вздулись сердитые волны,
Так и ходят, так воем и воют.
Стал он кликать золотую рыбку,
Приплыла к нему рыбка, спросила:

«Чего тебе надобно, старче?»
Ей старик с поклоном отвечает:
«Смилуйся, государыня рыбка!
Что мне делать с проклятою бабой?
Уж не хочет быть она царицей,
Хочет быть владычицей морскою;
Чтобы жить ей в Окияне-море,
Чтобы ты сама ей служила
И была бы у ней на посылках».
Ничего не сказала рыбка,
Лишь хвостом по воде плеснула
И ушла в глубокое море.

Долго у́ моря ждал он ответа,
Не дождался, к старухе воротился —
Глядь: опять перед ним землянка;
На пороге сидит его старуха,
А пред нею разбитое корыто.

«Уж небо осенью дышало…»

Уж небо осенью дышало,
Уж реже солнышко блистало,
Короче становился день,
Лесов таинственная сень
С печальным шумом обнажалась,
Ложился на поля туман,

Гусей крикливых караван
Тянулся к югу: приближалась
Довольно скучная пора;
Стоял ноябрь уж у двора.

(Из романа «Евгений Онегин»)

Зимняя дорога

Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальные поляны
Льёт печальный свет она.

По дороге зимней, скучной
Тройка бóрзая бежит,
Колокольчик однозвучный
Утомительно гремит.

Что-то слышится родное
В долгих песнях ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска…

Ни огня, ни чёрной хаты,
Глушь и снег… Навстречу мне
Только вёрсты полосаты[33]
Попадаются одне…

«Зима!.. Крестьянин, торжествуя…»

Зима!.. Крестьянин, торжествуя,
На дровнях обновляет путь;
Его лошадка, снег почуя,
Плетётся рысью как-нибудь;
Бразды пушистые взрывая,
Летит кибитка удалая;
Ямщик сидит на облучке,
В тулупе, в красном кушаке.
Вот бегает дворовый мальчик,
В салазки *жучку* посадив,
Себя в коня преобразив;
Шалун уж заморозил пальчик:
Ему и больно и смешно,
А мать грозит ему в окно…

«Гонимы вешними лучами…»

Гонимы вешними лучами,
С окрестных гор уже снега
Сбежали мутными ручьями
На потоплённые луга.
Улыбкой ясною природа
Сквозь сон встречает утро года;
Синея, блещут небеса.
Ещё прозрачные, леса
Как будто пухом зеленеют.
Пчела за данью полевой
Летит из кельи восковой.
Долины сохнут и пестреют;
Стада шумят, и соловей
Уж пел в безмолвии ночей.

«У лукоморья дуб зелёный…»

У лукоморья[34] дуб зелёный;
Златая цепь на дубе том:
И днём и ночью кот учёный
Всё ходит по цепи кругом;
Идёт направо – песнь заводит,
Налево – сказку говорит.
Там чудеса: там леший бродит,
Русалка на ветвях сидит;

Там на неведомых дорожках
Следы невиданных зверей;
Избушка там на курьих ножках
Стоит без окон, без дверей;
Там лес и дол видений полны;
Там о заре прихлынут волны
На брег песчаный и пустой,
И тридцать витязей[35] прекрасных

Чредой[36] из вод выходят ясных,
И с ними дядька их морской;
Там королевич мимоходом
Пленяет[37] грозного царя;
Там в облаках перед народом
Через леса, через моря
Колдун несёт богатыря;
В темнице там царевна тужит,
А бурый волк ей верно служит;
Там ступа с Бабою Ягой
Идёт, бредёт сама собой;

Там царь Кащей над златом чахнет;
Там русский дух… там Русью пахнет!
И там я был, и мёд я пил;
У моря видел дуб зелёный;

Под ним сидел, и кот учёный
Свои мне сказки говорил…

Сказка о попе и работнике его Балде

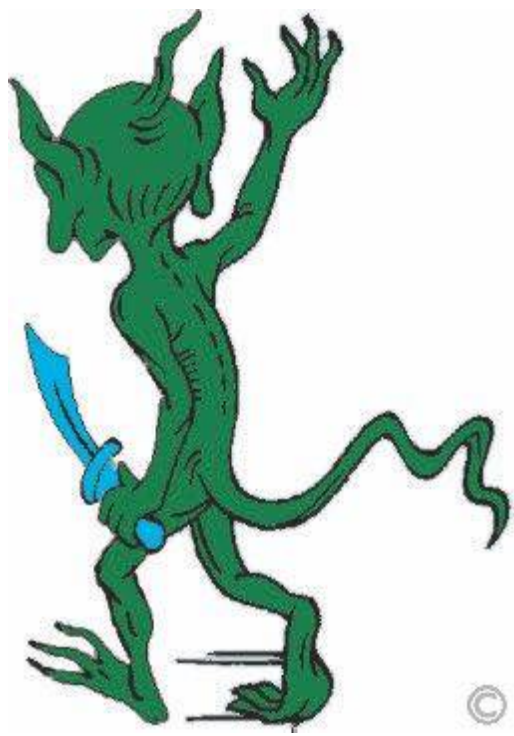
Жил-был поп,
Толоконный лоб.
Пошёл поп по базару
Посмотреть кой-какого товару.
Навстречу ему Балда
Идёт, сам не зная куда.
«Что, батька, так рано поднялся?
Чего ты взыскался?»
Поп ему в ответ: «Нужен мне работник:
Повар, конюх и плотник.
А где мне найти такого
Служителя не слишком дорогого?»
Балда говорит: «Буду служить тебе
славно,
Усердно и очень исправно,
В год за три щелка тебе по лбу,
Есть же мне давай варёную полбу[38]».
Призадумался поп,
Стал себе почёсывать лоб.
Щёлк щелку ведь розь.
Да понадеялся он на русский авось.
Поп говорит Балде: «Ладно.
Не будет нам обоим накладно.
Поживи-ка на моем подворье,
Окажи свое усердие и проворье».

Живёт Балда в поповом доме,
Спит себе на соломе,
Ест за четверых,
Работает за семерых;
До светла всё у него пляшет,
Лошадь запряжёт, полосу вспашет,
Печь затопит, всё заготовит, закупит,
Яичко испечёт да сам и облупит.

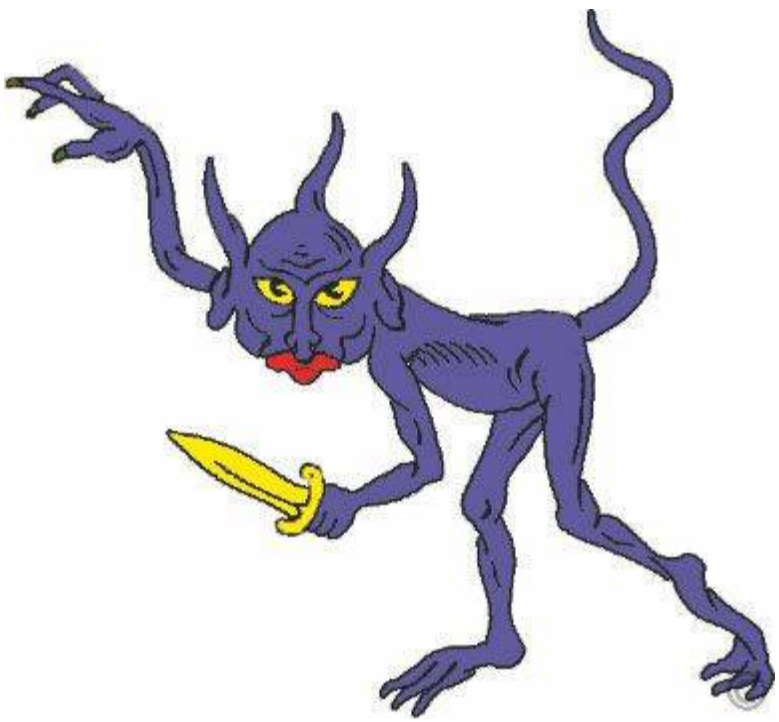
Попадья Балдой не нахвалится,
Поповна о Балде лишь и печалится,
Попёнок зовёт его тятей;
Кашу заварит, нянчится с дитятей.
Только поп один Балду не любит,
Никогда его не приголубит,
О расплате думает частенько;
Время идёт, и срок уж близенько.
Поп ни ест, ни пьёт, ночи не спит:
Лоб у него заранее трещит.
Вот он попадье признаётся:
«Так и так: что делать остаётся?»

Ум у бабы догадлив,
На всякие хитрости повадлив.
Попадья говорит: «Знаю средство,
Как удалить от нас такое бедство:
Закажи Балде службу, чтоб стало ему
невмочь;
А требуй, чтоб он ее исполнил
точь-в-точь.
Тем ты и лоб от расправы избавишь
И Балду-то без расплаты отправишь».
Стало на сердце попа веселее,
Начал он глядеть на Балду посмелее.
Вот он кричит: «Поди-ка сюда,
Верный мой работник Балда.
Слушай: платить обязались черти
Мне оброк[39] по самой моей смерти;
Лучшего б не надобно дохода,
Да есть на них недоимки за три года.
Как наешься ты своей полбы,
Собери-ка с чертей оброк мне полный».
Балда, с попом понапрасну не споря,
Пошёл, сел у берега моря;
Там он стал верёвку крутить
Да конец ее в море мочить.
Вот из моря вылез старый Бес:
«Зачем ты, Балда, к нам залез?»
– «Да вот верёвкой хочу море морщить,
Да вас, проклятое племя, кончить».
Беса старого взяла тут унылость.
«Скажи, за что такая немилость?»
– «Как за что? Вы не пло́тите[40] оброка,
Не помните положенного срока;
Вот ужо будет нам потеха,
Вам, собакам, великая помеха».

– «Ба́лдушка, погоди ты морщить море,
Оброк сполна ты получишь вскоре.
Погоди, вышлю к тебе внука».
Балда мыслит: «Этого провести не штука!»
Вынырнул подосланный бесёнок,
Замяукал он, как голодный котёнок:

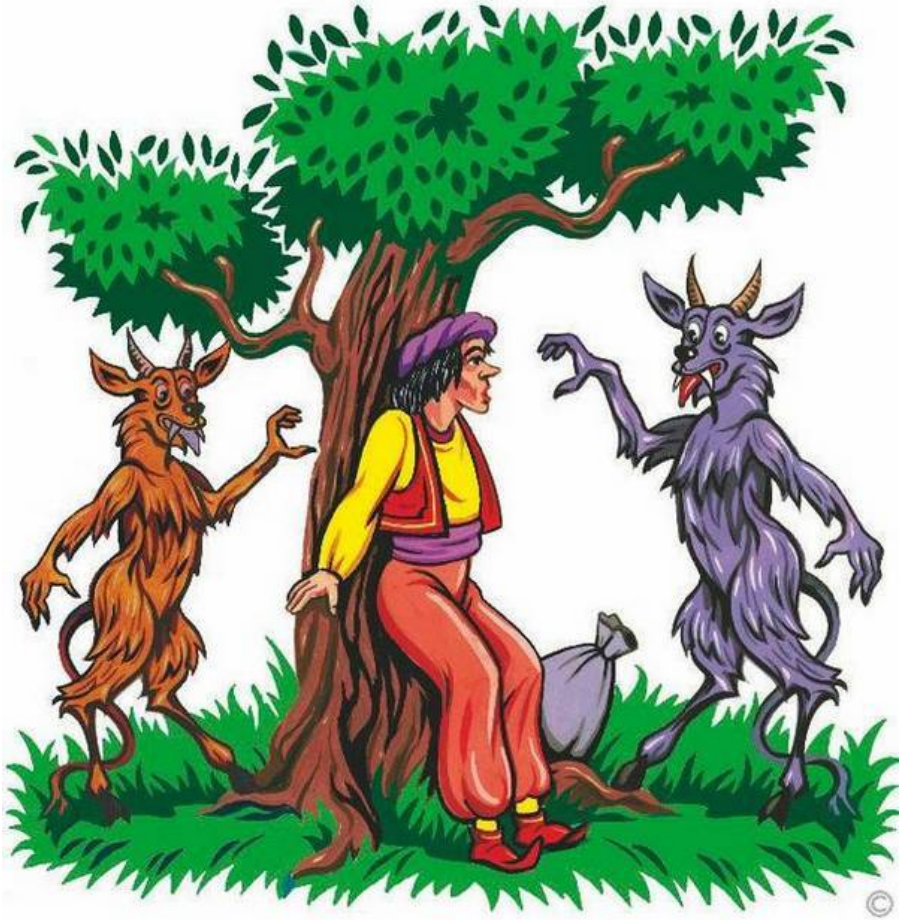


«Здравствуй, Балда-мужичок;
Какой тебе надобно оброк?
Об оброке век мы не слыхали,
Не было чертям такой печали.
Ну, так и быть – возьми, да с уговору,
С общего нашего приговору —
Чтобы впредь не было никакого горя:
Кто скорее из нас обежит около моря,
Тот и бери себе полный оброк,
Между тем там приготовят мешок».
Засмеялся Балда лукаво:
«Что ты это выдумал, право?
Где тебе тягаться со мною,
Со мною, с самим Балдою?
Экого послали супостата[41]!



Подожди-ка моего меньшóго брата».
Пошёл Балда в ближний лесок,
Поймал двух зáйков да в мешок.

К морю опять он приходит,
У моря бесёнка находит.
Держит Балда за уши одного зайку:
«Попляши-тка ты под нашу балалайку:
Ты, бесёнок, еще молоденек,
Со мною тягаться слабенек;
Это было б лишь времени трата, —
Обгони-ка сперва моего брата.
Раз, два, три! догоняй-ка».
Пустились бесёнок и зайка:
Бесёнок по берегу морскому,
А зайка в лесок до дому.
Вот, море кругом обежавши,
Высунув язык, морду поднявши,
Прибежал бесёнок задыхаясь,
Весь мокрёшенек, лапкой утираясь,
Мысля: дело с Балдой сладит.
Глядь – а Балда братца гладит,
Приговаривает: «Братец мой любимый,
Устал, бедняжка! отдохни, родимый».
Бесёнок оторопел,
Хвостик поджал, совсем присмирел,
На братца поглядывает боком.
«Погоди, – говорит, – схожу за оброком».
Пошёл к деду, говорит: «Беда!
Обогнал меня меньшóй Балда!»
Старый Бес стал тут думать думу.



А Балда наделал такого шуму,
Что всё море смутилось
И волнами так и расходилось.
Вылез бесёнок: «Полно, мужичок,
Вышлем тебе весь оброк —
Только слушай. Видишь ты палку эту?
Выбери себе любую мету.
Кто далее палку бросит,
Тот пускай и оброк уносит.
Что ж? боишься вывихнуть ручки?
Чего ты ждёшь?» – «Да жду вон той
тучки;
Зашвырну туда твою палку,
Да и начну с вами, чертями, свалку».
Испугался бесёнок да к деду,
Рассказывать про Балдову победу,

А Балда над морем опять шумит
Да чертям верёвкой грозит.
Вылез опять бесёнок: «Что ты хлопочешь?
Будет тебе оброк, коли захочешь…»
«Нет, – говорит Балда, —
Теперь моя череда,
Условия сам назначу,
Задам тебе, враженок, задачу.
Посмотрим, какова у тебя сила.
Видишь, там сивая кобыла?
Кобылу подыми-тка ты,
Да неси ее полверсты;
Снесёшь кобылу, оброк уж твой;
Не снесёшь кобылы, ан будет он мой».
Бедненький бес
Под кобылу подлез,
Понату́жился,
Понапру́жился,
Приподнял кобылу, два шага шагнул.
На третьем упал, ножки протянул.
А Балда ему: «Глупый ты бес,
Куда ж ты за нами полез?
И руками-то снести не смог,
А я, смотри, снесу промеж ног».
Сел Балда на кобылу верхом
Да версту проскакал, так что пыль
столбом.
Испугался бесёнок и к деду
Пошёл рассказывать про такую победу.
Делать нечего – черти собрали оброк
Да на Балду взвалили мешок.
Идёт Балда, покрякивает,
А поп, завидя Балду, вскакивает,
За попадью прячется,
Со страху корячится.
Балда его тут отыскал,
Отдал оброк, платы требовать стал.
Бедный поп
Подставил лоб:
С первого щелка
Прыгнул поп до потолка;
Со второго щелка
Лишился поп языка;
А с третьего щелка

Вышибло ум у старика.
А Балда приговаривал с укоризной:
«Не гонялся бы ты, поп, за
дешевизной».

Зимний вечер

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя,
То по кровле обветшалой
Вдруг соломой зашумит,
То, как путник запоздалый,
К нам в окошко застучит.

Наша ветхая лачужка
И печальна, и темна.
Что же ты, моя старушка[42],
Приумолкла у окна?
Или бури завываньем
Ты, мой друг, утомлена,
Или дремлешь под жужжаньем
Своего веретена?..

Спой мне песню, как синица
Тихо за́ морем жила;
Спой мне песню, как девица
За водой пое́тру шла.
Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя…

Сказка о золотом петушке

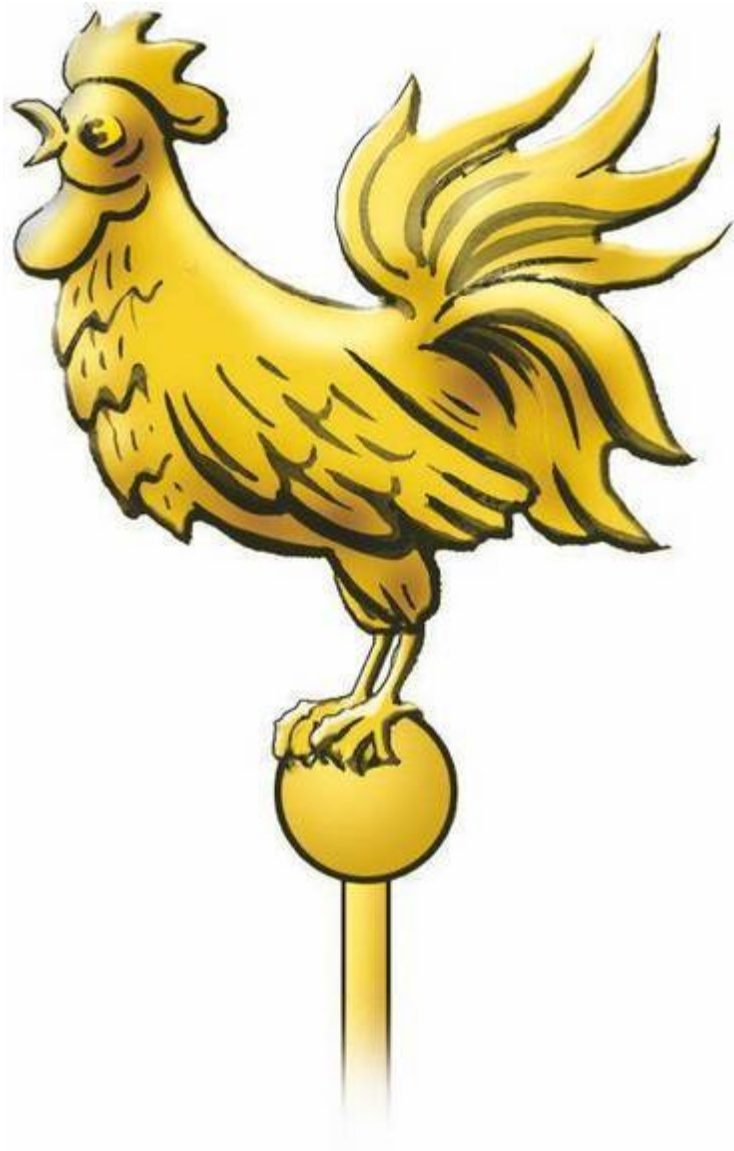
Негде, в тридевятом царстве,
В тридесятом государстве,
Жил-был славный царь Дадон.
Смолоду был грозен он
И соседям то и дело
Наносил обиды смело,
Но под старость захотел
Отдохнуть от ратных дел
И покой себе устроить;
Тут соседи беспокоить
Стали старого царя,
Страшный вред ему творя.
Чтоб концы своих владений
Охранять от нападений,
Должен был он содержать

Многочисленную рать.
Воеводы не дремали,
Но никак не успевали:
Ждут, бывало, с юга, глядь, —
Ан с востока лезет рать.
Справят здесь, – лихие гости
Идут от моря. Со злости
Инда плакал царь Дадон,

Инда забывал и сон.
Что и жизнь в такой тревоге!
Вот он с просьбой о помоге
Обратился к мудрецу,
Звездочёту и скопцу.
Шлёт за ним гонца с поклоном.
Вот мудрец перед Дадоном
Стал и вынул из мешка
Золотого петушка.
«Посади ты эту птицу, —
Молвил он царю, – на спицу;
Петушок мой золотой
Будет верный сторож твой:
Коль кругом всё будет мирно,
Так сидеть он будет смирно;
Но лишь чуть со стороны
Ожидать тебе войны,
Иль набега силы бранной,
Иль другой беды незваной,
Вмиг тогда мой петушок

Приподнимет гребешок,
Закричит и встрепенётся
И в то место обернётся».
Царь скопца благодарит,
Горы золота сулит.
«За такое одолженье, —

Говорит он в восхищенье, —
Волю первую твою
Я исполню, как мою».
Петушок с высокой спицы
Стал стеречь его границы.
Чуть опасность где видна,
Верный сторож, как со сна,
Шевельнётся, встрепенётся,
К той сторонке обернётся
И кричит: «Кири-ку-ку.
Царствуй, лёжа на боку!»
И соседи присмирели,
Воевать уже не смели:
Таковой им царь Дадон
Дал отпор со всех сторон!
Год, другой проходит мирно;
Петушок сидит всё смирно.
Вот однажды царь Дадон
Страшным шумом пробуждён:



«Царь ты наш! отец народа! —
Возглашает воевода, —
Государь! проснись! беда!»
– «Что такое, господа? —
Говорит Дадон, зевая, —
А?.. Кто там?., беда какая?»
Воевода говорит:
«Петушок опять кричит,
Страх и шум во всей столице».
Царь к окошку, – ан на спице,

Видит, бьётся петушок,
Обратившись на восток.
Медлить нечего: «Скорее!
Люди, на́ конь! Эй, живее!»
Царь к востоку войско шлёт,
Старший сын его ведёт.
Петушок угомонился,
Шум утих, и царь забылся.
Вот проходит восемь дней,
А от войска нет вестей;
Было ль, не было ль сраженья, —
Нет Дадону донесенья.
Петушок кричит опять.
Кличет царь другую рать;
Сына он теперь меньшого
Шлёт на выручку большого;
Петушок опять утих.
Снова вести нет от них,
Снова восемь дней проходят;
Люди в страхе дни проводят,
Петушок кричит опять,
Царь скликает третью рать
И ведёт её к востоку,
Сам не зная, быть ли проку.

Войска идут день и ночь;
Им становится невмочь.
Ни побоища, ни стана,
Ни надгробного кургана
Не встречает царь Дадон.
«Что за чудо?» – мыслит он.
Вот осьмой уж день проходит,
Войско в горы царь приводит
И промеж высоких гор
Видит шёлковый шатёр.
Всё в безмолвии чудесном
Вкруг шатра; в ущелье тесном
Рать побитая лежит.
Царь Дадон к шатру спешит…
Что за страшная картина!
Перед ним его два сына

Без шеломов и без лат
Оба мёртвые лежат,
Меч вонзивши друг во друга.
Бродят кони их средь луга,
По протоптанной траве,
По кровавой мураве…
Царь завыл: «Ох, дети, дети!
Горе мне! попали в сети
Оба наши сокола!
Горе! смерть моя пришла».
Все завыли за Дадоном,
Застонала тяжким стоном
Глубь долин, и сердце гор
Потряслося. Вдруг шатёр
Распахнулся… и девица,
Шамаханская царица,
Вся сияя, как заря,
Тихо встретила царя.
Как пред солнцем птица ночи,
Царь умолк, ей глядя в очи,
И забыл он перед ней
Смерть обоих сыновей.
И она перед Дадоном
Улыбнулась – и с поклоном
Его за руку взяла
И в шатёр свой увела.

Там за стол его сажала.
Всяким яством угощала,
Уложила отдыхать
На парчовую кровать.
И потом, неделю ровно,
Покорясь ей безусловно,
Околдован, восхищён,
Пировал у ней Дадон.

Наконец и в путь обратный
Со своею силой ратной
И с девицей молодой
Царь отправился домой.
Перед ним молва бежала,
Быль и небыль разглашала.
Под столицей, близ ворот
С шумом встретил их народ, —
Все бегут за колесницей,
За Дадоном и царицей;
Всех приветствует Дадон…
Вдруг в толпе увидел он:
В сарачинской шапке белой,
Весь как лебедь поседелый,
Старый друг его, скопец.
«А, здорово, мой отец, —
Молвил царь ему, – что скажешь?
Подь поближе. Что прикажешь?»
– «Царь! – ответствует мудрец, —
Разочтёмся наконец.
Помнишь? за мою услугу
Обещался мне, как другу,
Волю первую мою
Ты исполнить, как свою.
Подари ж ты мне девицу,
Шамаханскую царицу».
Крайне царь был изумлён.
«Что ты? – старцу молвил он, —
Или бес в тебя ввернулся,
Или ты с ума рехнулся.
Что ты в голову забрал?
Я, конечно, обещал,
Но всему же есть граница.
И зачем тебе девица?
Полно, знаешь ли, кто я?
Попроси ты у меня
Хоть казну, хоть чин боярский,
Хоть коня с конюшни царской,
Хоть пол царства моего».
– «Не хочу я ничего!
Подари ты мне девицу,
Шамаханскую царицу», —
Говорит мудрец в ответ.
Плюнул царь: «Так лих же: нет!

Ничего ты не получишь.
Сам себя ты, грешник, мучишь;
Убирайся, цел пока;
Оттащите старика!»
Старичок хотел заспорить,
Но с иным накладно вздорить;
Царь хватил его жезлом
По лбу; тот упал ничком,
Да и дух вон. – Вся столица
Содрогнулась, а девица —
Хи-хи-хи да ха-ха-ха!
Не боится, знать, греха.
Царь, хоть был встревожен сильно,
Усмехнулся ей умильно.
Вот – въезжает в город он…
Вдруг раздался лёгкий звон,
И в глазах у всей столицы
Петушок спорхнул со спицы,
К колеснице полетел
И царю на темя сел,
Встрепенулся, клюнул в темя
И взвился… и в то же время
С колесницы пал Дадон —
Охнул раз, – и умер он.
А царица вдруг пропала,
Будто вовсе не бывало.
Сказка ложь, да в ней намёк!
Добрым молодцам урок.

Сказка о мёртвой царевне и семи богатырях

Царь с царицею простился,
В путь-дорогу снарядился,
И царица у окна
Села ждать его одна.
Ждёт-пождёт с утра до ночи,
Смотрит в поле, инда очи
Разболелись глядючи
С белой зори до ночи;
Не видать милого друга!
Только видит: вьётся вьюга,
Снег валится на поля,
Вся белёшенька земля.
Девять месяцев проходит,
С поля глаз она не сводит,
Вот в сочельник в самый, в ночь
Бог даёт царице дочь.
Рано утром гость желанный,
День и ночь так долго жданный,
Издалеча наконец
Воротился царь-отец.
На него она взглянула,
Тяжелёшенько вздохнула,
Восхищенья не снесла
И к обедне умерла.
Долго царь был неутешен,
Но как быть? и он был грешен;
Год прошёл, как сон пустой,
Царь женился на другой.
Правду молвить, молодица
Уж и впрямь была царица:
Высока, стройна, бела,
И умом и всем взяла;
Но зато горда, ломлива,
Своенравна и ревнива.
Ей в приданое дано
Было зеркальце одно;
Свойство зеркальце имело:
Говорить оно умело.
С ним одним она была

Добродушна, весела,
С ним приветливо шутила
И, красуясь, говорила:
«Свет мой, зеркальце! скажи
Да всю правду доложи:
Я ль на свете всех милее,
Всех румяней и белее?»
И ей зеркальце в ответ:
«Ты, конечно, спору нет;
Ты, царица, всех милее,
Всех румяней и белее».

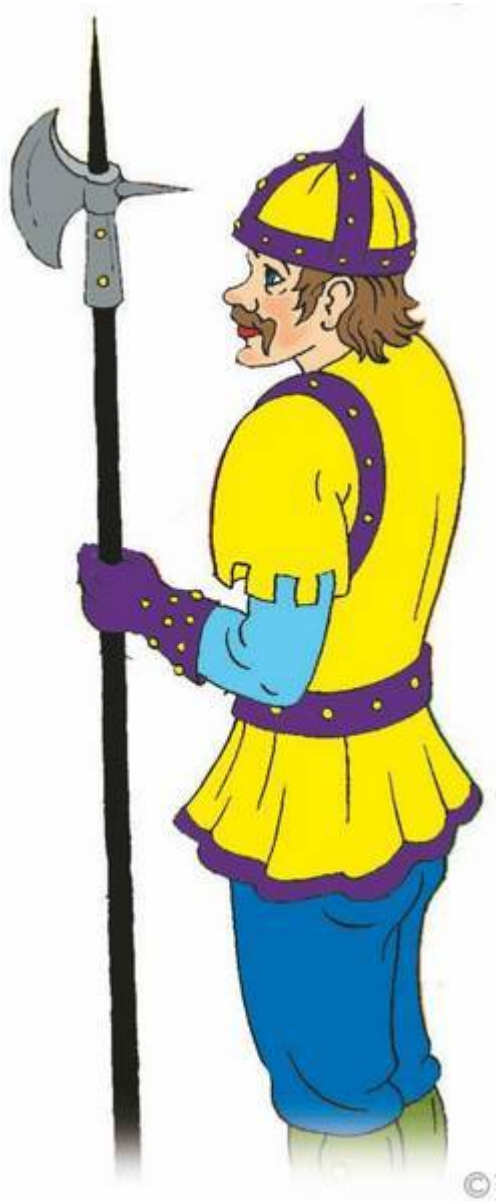
И царица хохотать,
И плечами пожимать,
И подмигивать глазами,
И прищёлкивать перстами,
И вертеться подбочась,
Гордо в зеркальце глядясь».
Но царевна молодая,
Тихомолком расцветая,

Между тем росла, росла,
Поднялась – и расцвела,
Белолица, черноброва,
Нраву кроткого такого.
И жених сыскался ей,
Королевич Елисей.
Сват приехал, царь дал слово,
А приданое готово:
Семь торговых городов
Да сто сорок теремов.

На девичник собираясь,

Вот царица, наряжаясь
Перед зеркальцем своим,
Перемолвилася с ним:
«Я ль, скажи мне, всех милее,
Всех румяней и белее?»
Что же зеркальце в ответ?
«Ты прекрасна, спору нет;
Но царевна всех милее,
Всех румяней и белее».
Как царица отпрыгнёт,
Да как ручку замахнёт,
Да по зеркальцу как хлопнет,
Каблучком-то как притопнет!..
«Ах ты, мерзкое стекло!
Это врёшь ты мне назло.
Как тягаться ей со мною?
Я в ней дурь-то успокою.
Вишь какая подросла!
И не диво, что бела:
Мать брюхатая сидела
Да на снег лишь и глядела!
Но скажи: как можно ей
Быть во всём меня милей?
Признавайся: всех я краше,
Обойди всё царство наше,
Хоть весь мир; мне ровной нет.
Так ли?» Зеркальце в ответ:
«А царевна всё ж милее,
Всё ж румяней и белее».
Делать нечего. Она,
Чёрной зависти полна,
Позвала к себе Чернавку
И наказывает ей,
Сенной девушке своей,
Весть царевну в глушь лесную
И, связав её, живую
Под сосной оставить там
На съедение волкам.
Чёрт ли сладит с бабой гневной?
Спорить нечего. С царевной
Вот Чернавка в лес пошла
И в такую даль свела,
Что царевна догадалась,
И до смерти испугалась,

И взмолилась: «Жизнь моя!
В чём, скажи, виновна я?
Не губи меня, девица!
А как буду я царица,
Я пожалую тебя».



Та, в душе её любя,
Не убила, не связала,
Отпустила и сказала:
«Не кручинься, бог с тобой».
А сама пошла домой.
«Что? – сказала ей царица, —
Где красавица-девица?»
– «Там, в лесу, стоит одна, —
Отвечает ей она, —
Крепко связаны ей локти;
Попадётся зверю в когти,
Меньше будет ей терпеть,
Легче будет умереть».
И молва трезвонить стала:
Дочка царская пропала!
Тужит бедный царь по ней.
Королевич Елисей,
Помолясь усердно богу,
Отправляется в дорогу
За красавицей-душой,
За невестой молодой.

Но невеста молодая,
До зари в лесу блуждая,
Между тем всё шла да шла
И на терем набрела.
Ей навстречу пёс, залая,
Прибежал и смолк, играя;
В ворота вошла она,
На подворье тишина.
Пёс бежит за ней, ласкаясь,
А царевна, подбираясь,
Поднялася на крыльцо
И взялася за кольцо;
Дверь тихонько отворилась.
И царевна очутилась
В светлой горнице; кругом
Лавки, крытые ковром,
Под святыми стол дубовый,
Печь с лежанкой изразцовой.
Видит девица, что тут
Люди добрые живут;
Знать, не будет ей обидно.
Никого меж тем не видно.
Дом царевна обошла,
Всё порядком убрала,
Засветила богу свечку,
Затопила жарко печку,
На полати взобралась
И тихонько улеглась.
Час обеда приближался,
Топот по двору раздался:
Входят семь богатырей,
Семь румяных усачей.
Старший молвит: «Что за диво!
Всё так чисто и красиво.
Кто-то терем прибирал
Да хозяев поджидал.
Кто же? Выдь и покажися,
С нами честно подружися.
Коль ты старый человек,
Дядей будешь нам навек.
Коли парень ты румяный,
Братец будешь нам названый.
Коль старушка, будь нам мать,
Так и станем величать.

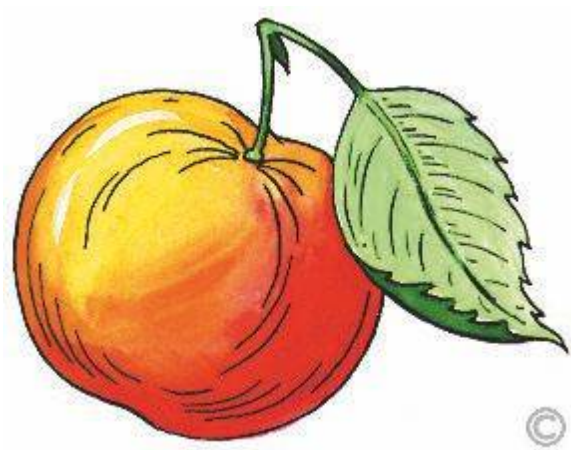
Коли красная девица,
Будь нам милая сестрица».
И царевна к ним сошла,
Честь хозяям отдала,
В пояс низко поклонилась;
Закрасневшись, извинилась,
Что-де в гости к ним зашла,
Хоть звана и не была.
Вмиг по речи те спознали,
Что царевну принимали;
Усадили в уголок,
Подносили пирожок,
Рюмку пол ну наливали,
На подносе подавали.
От зелёного вина
Отрекалася она;
Пирожок лишь разломила,
Да кусочек прикусила,
И с дороги отдыхать
Отпросилась на кровать.
Отвели они девицу
Вверх во светлую светлицу
И оставили одну,
Отходящую ко сну.
День за днём идёт, мелькая,
А царевна молодая
Всё в лесу, не скучно ей
У семи богатырей.
Перед утренней зарёю
Братья дружною толпою
Выезжают погулять,
Серых уток пострелять,
Руку правую потешить,
Сорочина в поле спешить,
Иль башку с широких плеч
У татарина отсечь,
Или вытравить из леса
Пятигорского черкеса,
А хозяюшкой она
В терему меж тем одна
Приберёт и приготовит,
Им она не прекословит,
Не перечат ей они.
Так идут за днями дни.

Братья милую девицу
Полюбили. К ней в светлицу
Раз, лишь только рассвело,
Всех их семеро вошло.
Старший молвил ей: «Девица,
Знаешь: всем ты нам сестрица,
Всех нас семеро, тебя
Все мы любим, за себя
Взять тебя мы все бы рады,
Да нельзя, так бога ради
Помири нас как-нибудь:
Одному женою будь,
Прочим ласковой сестрою.
Что ж качаешь головою?
Аль отказываешь нам?
Аль товар не по купцам?»
«Ой вы, молодцы честные,
Братцы вы мои родные, —
Им царевна говорит, —
Коли лгу, пусть бог велит
Не сойти живой мне с места.
Как мне быть? ведь я невеста.
Для меня вы все равны,
Все удалы, все умны,
Всех я вас люблю сердечно;
Но другому я навечно
Отдана. Мне всех милей
Королевич Елисей».
Братья молча постояли
Да в затылке почесали.
«Спрос не грех. Прости ты нас, —
Старший молвил поклонясь, —
Коли так, не заикнуся
Уж о том». —
«Я не сержуся, —
Тихо молвила она, —
И отказ мой не вина».
Женихи ей поклонились,
Потихоньку удалились,
И согласно все опять
Стали жить да поживать.
Между тем царица злая,
Про царевну вспоминая,
Не могла простить её,

А на зеркальце своё
Долго дулась и сердилась;
Наконец об нём хватилась
И пошла за ним, и, сев
Перед ним, забыла гнев,
Красоваться снова стала
И с улыбкою сказала:
«Здравствуй, зеркальце! скажи
Да всю правду доложи:
Я ль на свете всех милее,
Всех румяней и белее?»
И ей зеркальце в ответ:
«Ты прекрасна, спору нет;
Но живёт без всякой славы,
Средь зелёныя дубравы,
У семи богатырей
Та, что всё ж тебя милей».
И царица налетела
На Чернавку: «Как ты смела
Обмануть меня? и в чём!..»
Та призналася во всём:
Так и так. Царица злая,
Ей рогаткой угрожая,
Положила иль не жить,
Иль царевну погубить.

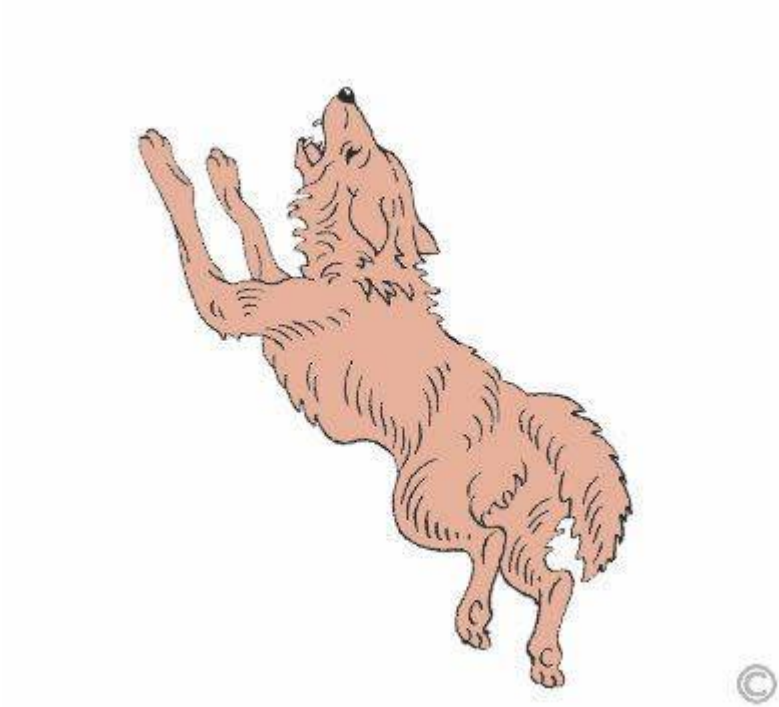
Раз царевна молодая,
Милых братьев поджидая,
Пряла, сидя под окном.
Вдруг сердито под крыльцом
Пёс залаял, и девица
Видит: нищая черница
Ходит по двору, клюкой
Отгоняя пса. «Постой,

Бабушка, постой немножко, —
Ей кричит она в окошко, —
Пригрожу сама я псу
И кой-что тебе снесу».
Отвечает ей черница:
«Ох ты, дитятко девица!
Пёс проклятый одолел,
Чуть до смерти не заел.
Посмотри, как он хлопочет!
Выдь ко мне». – Царевна хочет
Выйти к ней и хлеб взяла,
Но с крылечка лишь сошла,
Пёс ей под ноги – и лает,
И к старухе не пускает;
Лишь пойдёт старуха к ней,
Он, лесного зверя злей,
На старуху. «Что за чудо?
Видно, выспался он худо, —
Ей царевна говорит, —
На ж, лови!» – и хлеб летит.
Старушонка хлеб поймала;



«Благодарствую! – сказала. —
Бог тебя благослови;
Вот за то тебе, лови!»
И к царевне наливное,
Молодое, золотое
Прямо яблочко летит…

Пёс как прыгнет, завизжит…
Но царевна в обе руки
Хвать – поймала. «Ради скуки,
Кушай яблочко, мой свет.
Благодарствуй за обед», —
Старушоночка сказала,
Поклонилась и пропала…
И с царевной на крыльцо
Пёс бежит и ей в лицо
Жалко смотрит, грозно воет,
Словно сердце пёсье ноет,
Словно хочет ей сказать:
Брось! – Она его ласкать,
Треплет нежною рукою;



«Что, Сокол ко, что с тобою?
Ляг!» – ив комнату вошла,
Дверь тихонько заперла,
Под окно за пряжу села
Ждать хозяев, а глядела

Всё на яблоко. Оно
Соку спелого полно,
Так свежо и так душисто,
Так румяно-золотисто,
Будто мёдом налилось!
Видны семечки насквозь…
Подождать она хотела
До обеда, не стерпела,
В руки яблоко взяла,
К алым губкам поднесла,
Потихоньку прокусила
И кусочек проглотила…
Вдруг она, душа моя,
Пошатнулась не дыша,
Белы руки опустила,
Плод румяный уронила,
Закатилися глаза,

И она под образа
Головой на лавку пала
И тиха, недвижна стала…
Братья в ту пору домой
Возвращалися толпой
С молодецкого разбоя.
Им навстречу, грозно воя,

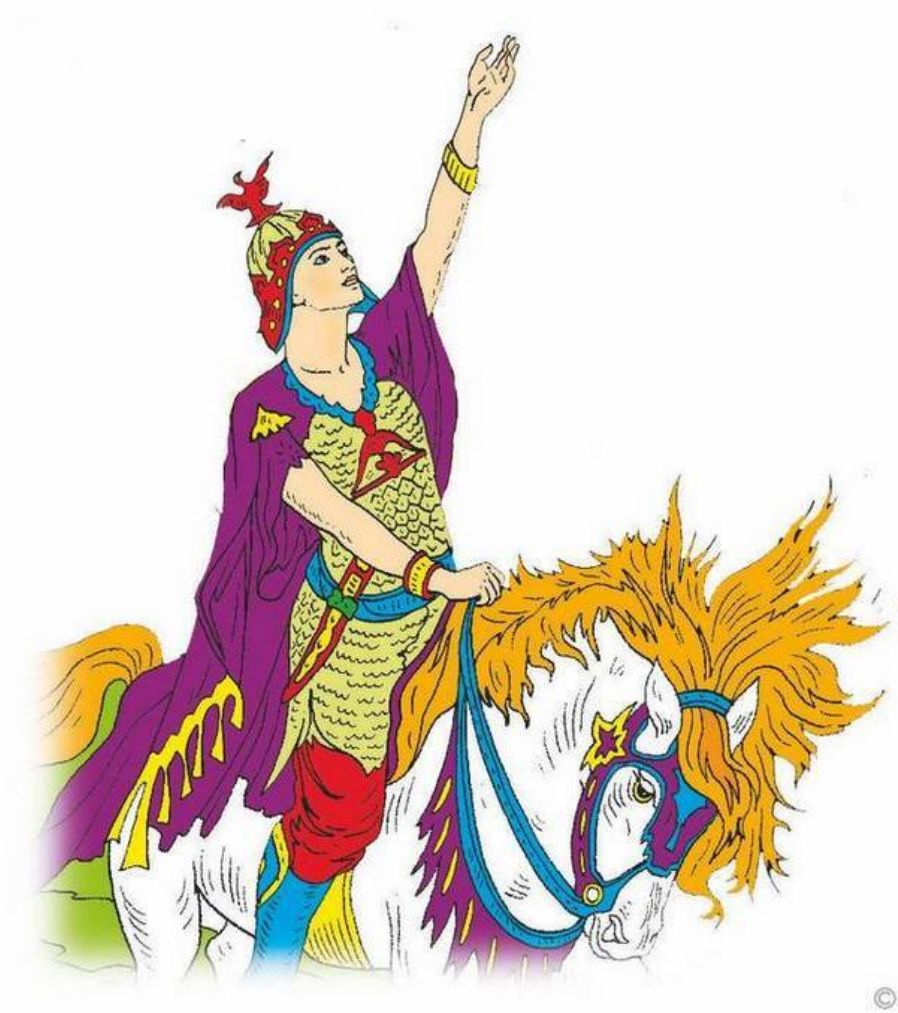
Пёс бежит и ко двору
Путь им кажет. «Не к добру! —
Братья молвили, – печали
Не минуем». Прискакали,
Входят, ахнули. Вбежав,
Пёс на яблоко стремглав
С лаем кинулся, озлился,
Проглотил его, свалился
И издох. Напоено
Было ядом, знать, оно.
Перед мёртвою царевной
Братья в горести душевной
Все поникли головой
И с молитвою святой
С лавки подняли, одели,
Хоронить ее хотели
И раздумали. Она,
Как под крылышком у сна,
Так тиха, свежа лежала,
Что лишь только не дышала.
Ждали три дня, но она
Не восстала ото сна.
Сотворив обряд печальный,
Вот они во гроб хрустальный
Труп царевны молодой
Положили – и толпой
Понесли в пустую гору,
И в полуночную пору
Гроб её к шести столбам
На цепях чугунных там
Осторожно привинтили
И решёткой оградили;
И, пред мёртвою сестрой
Сотворив поклон земной,

Старший молвил: «Спи во гробе.
Вдруг погасла, жертвой злобе,
На земле твоя краса;
Дух твой примут небеса.
Нами ты была любима
И для милого хранима —
Не досталась никому,
Только гробу одному».

В тот же день царица злая,
Доброй вести ожидая,
Втайне зеркальце взяла
И вопрос свой задала:
«Я ль, скажи мне, всех милее,
Всех румяней и белее?»
И услышала в ответ:
«Ты, царица, спору нет,
Ты на свете всех милее,
Всех румяней и белее».

За невестою своей
Королевич Елисей
Между тем по свету скачет.
Нет как нет! Он горько плачет,
И кого ни спросит он,
Всем вопрос его мудрён;
Кто в глаза ему смеётся,
Кто скорее отвернётся;

К красну солнцу наконец
Обратился молодец.



«Свет наш солнышко! ты ходишь
Круглый год по небу, сводишь
Зиму с тёплою весной,
Всех нас видишь под собой.
Аль откажешь мне в ответе?
Не видало ль где на свете
Ты царевны молодой?
Я жених ей». – «Свет ты мой, —
Красно солнце отвечало, —

Я царевны не видало,
Знать, её в живых уж нет.
Разве месяц, мой сосед,
Где-нибудь её да встретил
Или след её заметил».
Тёмной ночки Елисей
Дождался в тоске своей.
Только месяц показался,
Он за ним с мольбой погнался.
«Месяц, месяц, мой дружок,
Позолоченный рожок!

Ты встаёшь во тьме глубокой,
Круглолицый, светлоокий,
И, обычай твой любя,
Звёзды смотрят на тебя.
Аль откажешь мне в ответе?
Не видал ли где на свете
Ты царевны молодой?

Я жених ей». – «Братец мой, —
Отвечает месяц ясный, —
Не видал я девы красной.
На сторóже я стою
Только в очередь мою.
Без меня царевна видно
Пробежала». – «Как обидно!» —
Королевич отвечал.
Ясный месяц продолжал:
«Погоди; об ней, быть может,
Ветер знает. Он поможет.
Ты к нему теперь ступай,
Не печалься же, прощай».
Елисей, не унывая,
К ветру кинулся, взывая:
«Ветер, ветер! Ты могуч,
Ты гоняешь стаи туч,
Ты волнуешь сине море,
Всюду веешь на просторе.

Не боишься никого,
Кроме бога одного.
Аль откажешь мне в ответе?
Не видал ли где на свете
Ты царевны молодой?
Я жених её». – «Постой, —
Отвечает ветер буйный, —
Там за речкой тихоструйной
Есть высокая гора,
В ней глубокая нора;
В той норе, во тьме печальной,
Гроб качается хрустальный
На цепях между столбов.
Не видать ничьих следов
Вкруг того пустого места.
В том гробу твоя невеста».
Ветер дале побежал.
Королевич зарыдал

И пошёл к пустому месту
На прекрасную невесту
Посмотреть ещё хоть раз.
Вот идёт; и поднялась
Перед ним гора крутая;
Вкруг неё страна пустая;
Под горою тёмный вход.
Он туда скорей идёт.
Перед ним, во мгле печальной,
Гроб качается хрустальный,
И в хрустальном гробе том
Спит царевна вечным сном.
И о гроб невесты милой
Он ударился всей силой.
Гроб разбился. Дева вдруг
Ожила. Глядит вокруг
Изумлёнными глазами,
И, качаясь над цепями,
Привздохнув, произнесла:
«Как же долго я спала!»
И встаёт она из гроба…
Ах!., и зарыдали оба.
В руки он её берет
И на свет из тьмы несёт,
И, беседуя приятно,
В путь пускаются обратно,
И трубит уже молва:
Дочка царская жива!

Дома в ту пору без дела
Злая мачеха сидела
Перед зеркальцем своим
И беседовала с ним,
Говоря: «Я ль всех милее,
Всех румяней и белее?»
И услышала в ответ:
«Ты прекрасна, слова нет,
Но царевна всё ж милее,
Всё румяней и белее».
Злая мачеха, вскочив,
Об пол зеркальце разбив,
В двери прямо побежала
И царевну повстречала.
Тут её тоска взяла,
И царица умерла.
Лишь её похоронили,
Свадьбу тотчас учинили,
И с невестою своей
Обвенчался Елисей;
И никто с начала мира
Не видал такого пира;
Я там был, мёд, пиво пил,
Да усы лишь обмочил.

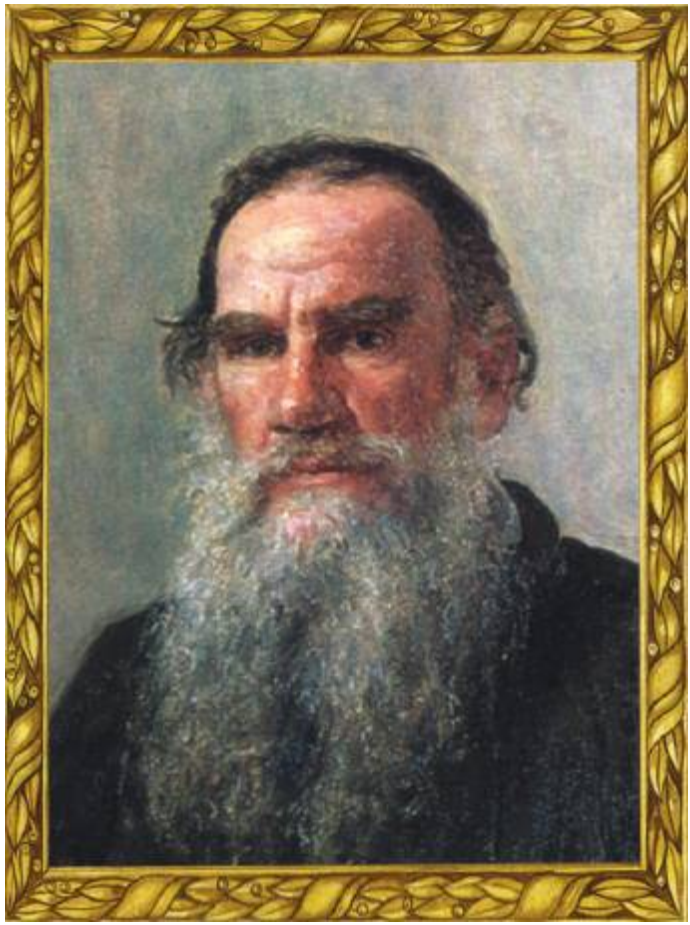
Полтавский бой

Горит восток зарёю новой.
Уж на равнине, по холмам
Грохочут пушки. Дым багровый
Кругами всходит к небесам
Навстречу утренним лучам.
Полки ряды свои сомкнули.
В кустах рассыпались стрелки.
Катятся ядра, свищут пули;
Нависли хладные штыки.
Сыны любимые победы[43],
Сквозь огнь окопов рвутся шведы;
Волнуясь, конница летит;
Пехота движется за нею
И тяжкой твёрдостью своею
Её стремления крепит.
И битвы поле роковое
Гремит, пылает здесь и там,
Но явно счастье боевое
Служить уж начинает нам.
Пальбой отбитые дружины,
Мешаясь, падают во прах.
Уходит Розен сквозь теснины;
Сдаётся пылкий Шлипенбах[44].
Тесним мы шведов рать за ратью;
Темнеет слава их знамён,
И бога браней благодатью
Наш каждый шаг запечатлён.

Тогда-то, свыше вдохновенный,
Раздался звучный глас Петра:
«За дело, с богом!» Из шатра,
Толпой любимцев окруженный,
Выходит Пётр. Его глаза
Сияют. Лик его ужасен.
Движенья быстры. Он прекрасен,
Он весь как божия гроза.
Идёт. Ему коня подводят.
Ретив и смирен верный конь.
Почуя роковой огонь,
Дрожит. Глазами косо водит
И мчится в прахе боевом[45],

Гордясь могущим седоком.

Толстой Лев Николаевич



(1828–1910)
прозаик, драматург, критик, общественный деятель

Толстой родился в 1828 году в родовом имении Ясная Поляна в семье графа. Мальчик рано лишился родителей. В возрасте 13 лет он переехал в Казань, к одной из сестер отца, где прожил шесть лет.

В 1844 году будущий писатель поступил в Казанский университет, но, пробыв там три года, оставил учебу и уехал домой в Ясную Поляну.

Писательская деятельность Толстого началась в 1850 году в Москве, где он начал писать автобиографическую трилогию «Детство», «Отрочество», «Юность». Работа над этими романами

длилась шесть лет.

В творчестве Толстого большое место уделялось событиям, очевидцем и участником которых он был. Лев Николаевич поступил в действующую армию, был сначала юнкером, затем получил младший офицерский чин. События Кавказской войны легли в основу его повести «Казаки» (1863).

Когда началась Кавказская война, Толстой перевелся с Кавказа сначала в Дунайскую армию, а затем в Севастополь. Мужество и героизм защитников города писатель обессмертил в «Севастопольских рассказах».

В 1856 году Толстой снова возвращается в Ясную Поляну, где очень много работает. Семь лет напряженного сосредоточенного труда он посвятил созданию романа-эпопеи «Война и мир» (1863–1869). Пять лет Толстой трудился над романом «Анна Каренина» (1873–1877). В 1899 году писатель закончил роман «Воскресенье», над которым работал около десяти лет.

В последнее десятилетие жизни он занимался, как всегда, напряженным творческим трудом: писатель создает одну из своих лучших пьес «Живой труп».

Л. Н. Толстой – гениальный художник слова, поэтому известие о смерти великого писателя вызвало чувство скорби у миллионов его читателей.

Булька

У меня была мордашка. Звали её Булькой. Она была вся чёрная, только кончики передних лап были белые.

У всех мордашек нижняя челюсть длиннее верхней и верхние зубы заходят за нижние, но у Бульки нижняя челюсть так выдавалась вперёд, что палец можно было заложить между нижними и верхними зубами… Булька был смирный и не кусался, был очень силён и цепок. Когда он, бывало, уцепится за что-нибудь, то стиснет зубы и повиснет, как тряпка, и его, как клещи, нельзя никак оторвать.

Один раз его пускали на медведя, и он вцепился медведю в ухо и повис, как пиявка. Медведь бил его лапами, прижимал к себе, кидал из стороны в сторону, но не мог оторвать и повалился на голову, чтобы раздавить Бульку, но Булька до тех пор на нём держался, пока его не облили холодной водой.

Я взял его щенком и сам выкормил. Когда я ехал служить на Кавказ, я не хотел брать его и уехал от него потихоньку, а его велел запереть. На первой станции я хотел уже садиться на другую лошадь, как вдруг увидел, что по дороге катится что-то чёрное и блестящее. Это был Булька в своем медном ошейнике. Он летел во весь дух к станции. Он бросился ко мне, лизнул мою руку и растянулся в тени под телегой. Язык его высунулся на целую ладонь. Он то втягивал его назад, глотая слюну, то опять высовывал на целую ладонь. Он торопился, не поспевая дышать, бока его так и прыгали. Он поворачивался с боку на бок и постукивал хвостом о землю.

Я узнал потом, что он после меня пробил раму и выскочил из окна и прямо по моему следу поскакал по дороге и проскакал так верст 20 в самый жар.

Отец и сыновья
(Басня)

Отец приказал сыновьям, чтобы жили в согласии; они не слушались. Вот он велел принести веник и говорит:

– Сломайте!

Сколько они ни бились, не могли сломать. Тогда отец развязал веник и велел ломать по одному пруту.

Они легко переломали прутья поодиночке.

Отец и говорит:

– Так-то и вы: если в согласии жить будете, никто вас не одолеет; а если будете ссориться да все врозь – вас всякий легко погубит.

Веника не сломишь, а по прутику весь переломаешь.

Лгун
(Басня)

Мальчик стерёг овец и, будто увидав волка, стал звать:

– Помогите, волк! Волк!

Мужики прибежали и видят: неправда. Как сделал он так и два и три раза, случилось – и вправду набежал волк. Мальчик стал кричать:

– Сюда, сюда скорей, волк!

Мужики подумали, что опять по-всегдашнему обманывает, – не послушали его.

Волк видит, бояться нечего: на просторе перерезал всё стадо.

Два товарища
(Басня)

Шли по лесу два товарища, и выскочил на них медведь. Один бросился бежать, влез на дерево и спрятался, а другой остался на дороге. Делать было ему нечего – он упал наземь и притворился мёртвым.

Медведь подошёл к нему и стал нюхать: он и дышать перестал.

Медведь понюхал ему лицо, подумал, что мёртвый, и отошёл.

Когда медведь ушёл, тот слез с дерева и смеётся.

– Ну что, – говорит, – медведь тебе на ухо говорил?

– А он сказал мне, что плохие люди те, которые в опасности от товарищей убегают.

Детство

Счастливая, счастливая, невозвратимая пора детства! Как не любить, не лелеять воспоминаний о ней? Воспоминания эти освежают, возвышают мою душу и служат для меня источником лучших наслаждений.

Набегавшись досыта, сидишь, бывало, за чайным столом, на своём высоком креслице; уже поздно, давно выпил свою чашку молока с сахаром, сон смыкает глаза, но не трогаешься с места, сидишь и слушаешь. И как не слушать? Maman говорит с кем-нибудь, и звуки голоса её так сладки, так приветливы. Одни звуки эти так много говорят моему сердцу! Отуманенными дремотой глазами я пристально смотрю на её лицо, и вдруг она сделалась вся маленькая, маленькая – лицо её не больше пуговки; но оно мне всё так же ясно видно: вижу, как она взглянула на меня и как улыбнулась. Мне нравится видеть её такой крошечной. Я прищуриваю глаза ещё больше, и она делается не больше тех мальчиков, которые бывают в зрачках; но я шевельнулся – и очарование разрушилось; я суживаю глаза, поворачиваюсь, всячески стараюсь возобновить его, но напрасно.

Я встаю, с ногами забираюсь и уютно укладываюсь на кресле.

– Ты опять заснёшь, Николенька, – говорит мне maman, – ты бы лучше шёл наверх.

– Я не хочу спать, мамаша, – ответишь ей, и неясные, но сладкие грёзы наполняют воображение, здоровый детский сон смыкает веки, и через минуту забудешься и спишь до тех пор, пока не разбудят. Чувствуешь, бывало, впросонках, что чья-то нежная рука трогает тебя; по одному прикосновению узнаёшь её и ещё во сне невольно схватишь эту руку и крепко, крепко прижмёшь её к губам.

Все уже разошлись; одна свеча горит в гостиной; maman сказала, что она сама разбудит меня; это она присела на кресло, на котором я сплю, своей чудесной нежной ручкой провела по моим волосам, и над ухом моим звучит милый знакомый голос:

– Вставай, моя душечка, пора итти спать.

Ничьи равнодушные взоры не стесняют её; она не боится излить на меня всю свою нежность и любовь. Я не шевелюсь, но ещё крепче целую её руку.

– Вставай же, мой ангел.

Она другой рукой берёт меня за шею, и пальчики её быстро шевелятся и щекотят меня. В комнате тихо и полутемно; нервы мои возбуждены щекоткой и пробуждением; мамаша сидит подле самого меня; она трогает меня; я слышу её запах и голос. Всё это

заставляет меня вскочить, обвить руками её шею, прижать голову к её груди и задыхаясь сказать:

– Ах, милая, милая мамаша, как я тебя люблю!

Она улыбается своей грустной очаровательной улыбкой, берёт обеими руками мою голову, целует меня в лоб и кладёт к себе на колени.

– Так ты меня очень любишь? – Она молчит с минуту, потом говорит: – Смотри, всегда люби меня, никогда не забывай. Если не будет твоей мамаши, ты не забудешь её? не забудешь, Николенька?

Она ещё нежнее целует меня.

– Полно! и не говори этого, голубчик мой, душечка моя, – вскрикиваю я, целуя её колени, и слёзы ручьями льются из моих глаз, – слёзы любви и восторга.

После этого, как бывало, придёшь наверх и станешь перед иконами, в своём ваточном халатце, какое чудесное чувство испытываешь, говоря: «Спаси, Господи, папеньку и маменьку». Повторяя молитвы, которые в первый раз лепетали детские уста мои за любимой матерью, любовь к ней и к Богу как-то странно сливались в одно чувство.

После молитвы завернёшься, бывало, в одеяльце; на душе легко, светло и отрадно; одни мечты гонят другие, – но о чём они? Они неуловимы, но исполнены чистой любовью и надеждами на светлое счастие. Вспомнишь, бывало, о Карле Иваныче и его горькой участи – единственном человеке, которого я знал несчастливым, – и так жалко станет, так полюбишь его, что слёзы потекут из глаз, и думаешь: «Дай Бог ему счастия, дай мне возможность помочь ему, облегчить его горе; я всем готов для него пожертвовать». Потом любимую фарфоровую игрушку – зайчика или собачку – уткнёшь в угол пуховой подушки и любуешься, как хорошо, тепло и уютно ей там лежать. Ещё помолишься о том, чтобы дал Бог счастия всем, чтобы все были довольны и чтобы завтра была хорошая погода для гулянья, повернёшься на другой бок, мысли и мечты перепутаются, смешаются, и уснёшь тихо, спокойно, ещё с мокрым от слёз лицом.

Вернутся ли когда-нибудь та свежесть, беззаботность, потребность любви и сила веры, которыми обладаешь в детстве? Какое время может быть лучше того, когда две лучшие добродетели – невинная весёлость и беспредельная потребность любви – были единственными побуждениями в жизни?

Где те горячие молитвы? Где лучший дар – те чистые слёзы умиления? Прилетал ангел-утешитель, с улыбкой утирал слёзы эти и навевал сладкие грёзы неиспорченному детскому

воображению.

Неужели жизнь оставила такие тяжёлые следы в моём сердце, что навеки отошли от меня слёзы и восторги эти? Неужели остались одни воспоминания?

(Глава из автобиографической трилогии «Детство», «Отрочество», «Юность»)

Прыжок

Один корабль обошёл вокруг света и возвращался домой. Была тихая погода, весь народ был на палубе. Посреди народа вертелась большая обезьяна и забавляла всех. Обезьяна эта корчилась, прыгала, делала смешные рожи, передразнивала людей, и видно было – она знала, что ею забавляются, и оттого ещё больше расходилась.

Она подпрыгнула к двенадцатилетнему мальчику, сыну капитана корабля, сорвала с его головы шляпу, надела и живо взобралась на мачту. Все засмеялись, а мальчик остался без шляпы и сам не знал, смеяться ли ему или плакать.

Обезьяна села на первой перекладине мачты, сняла шляпу и стала зубами и лапами рвать ее. Она как будто дразнила мальчика, показывала на него и делала рожи. Мальчик погрозил ей и крикнул на неё, но она ещё злее рвала шляпу. Матросы громче стали смеяться, а мальчик покраснел, скинул куртку и бросился за обезьяной на мачту. В одну минуту он взобрался по верёвке на первую перекладину; но обезьяна ещё ловчее и быстрее его, в ту самую минуту, как он думал схватить шляпу, взобралась ещё выше.

– Так не уйдёшь же ты от меня! – закричал мальчик и полез выше. Обезьяна опять подманила его и полезла ещё выше, но мальчика уже разобрал задор, и он не отставал. Так обезьяна и мальчик в одну минуту добрались до самого верха. На самом верху обезьяна вытянулась во всю длину и, зацепившись задней рукой за верёвку, повесила шляпу на край последней перекладины, а сама взобралась на макушку мачты и оттуда корчилась, показывала зубы и радовалась. От мачты до конца перекладины, где висела шляпа, было аршина два, так что достать её нельзя было иначе, как выпустить из рук верёвку и мачту.

Но мальчик очень раззадорился. Он бросил мачту и вступил на перекладину. На палубе все смотрели и смеялись тому, что выделывали обезьяна и капитанский сын; но как увидали, что он пустил верёвку и ступил на перекладину, покачивая руками, все замерли от страха.

Стоило ему только оступиться – и он бы вдребезги разбился о палубу. Да если бы даже он и не оступился, а дошёл до края перекладины и взял шляпу, то трудно было ему повернуться и дойти назад до мачты. Все молча смотрели на него и ждали, что будет.

Вдруг в народе кто-то ахнул от страха. Мальчик от этого

крика опомнился, глянул вниз и зашатался.

В это время капитан корабля, отец мальчика, вышел из каюты. Он нёс ружьё, чтобы стрелять чаек. Но увидел сына на мачте и тотчас же прицелился в сына и закричал:

– В воду! Прыгай сейчас в воду! Застрелю!

Мальчик шатался, но не понимал.

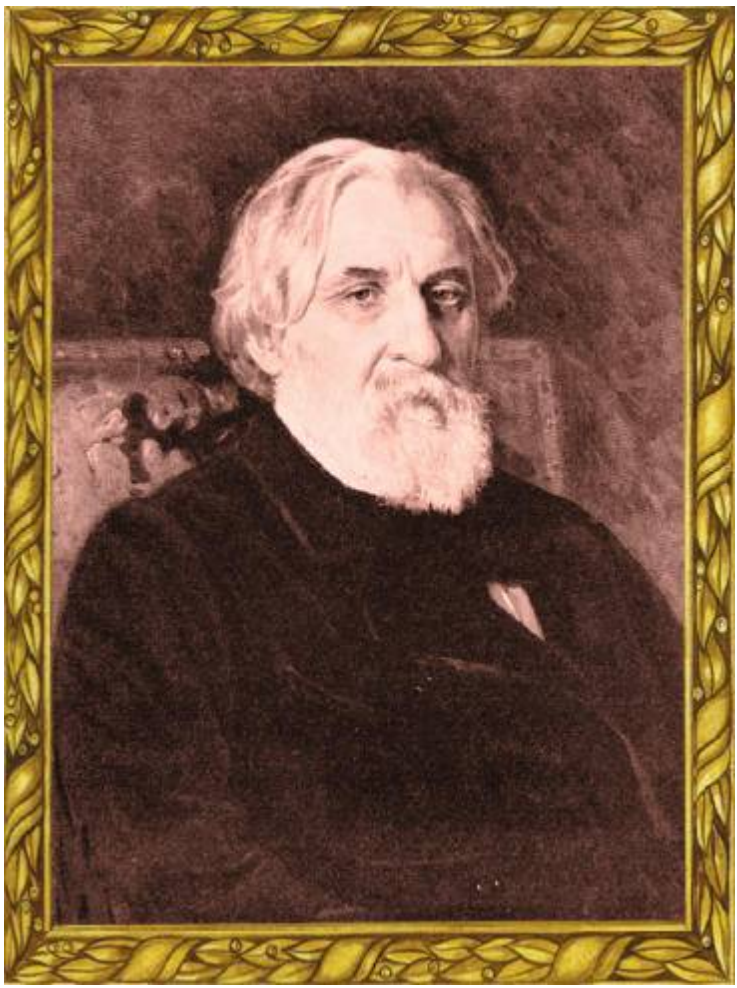
– Прыгай или застрелю!..

Раз, два… и как только отец крикнул: «три» – мальчик размахнулся головой вниз и прыгнул.

Точно пушечное ядро, шлёпнулось тело мальчика в море, и не успели волны закрыть его, как уже двадцать молодцов матросов прыгнули с корабля в море. Секунд через сорок – они долги показались всем – вынырнуло тело мальчика. Его схватили и вытащили на корабль. Через несколько минут у него изо рта и из носа полилась вода, и он стал дышать.

Когда капитан увидел это, он вдруг закричал, как будто его что-то душило, и убежал к себе в каюту, чтобы никто не видел, как он плачет.

Тургенев Иван Сергеевич



1818–1883
русский писатель

Родился в Орле в 1818 году в имении Спасское-Лутовиново. Будущему писателю ещё не исполнилось и пятнадцати лет, когда он поступил в Московский университет. Но проучившись недолгое время, перевёлся на философское отделение Петербургского университета. После окончания учёбы уехал в Германию, где продолжил своё образование. Вернувшись из-за границы в 1842 году Тургенев начинает свою литературную деятельность. Журналы охотно печатают его рассказы, а в 1852 году отдельной книгой выходят «Записки охотника», которые

могут быть названы художественной летописью русской народной жизни. В этом произведении, как и в последующих своих повестях, романах и рассказах Тургенев с глубокой симпатией изображает простых крестьян, которые даже в условиях крепостного гнёта и нищеты сохраняли человеческое достоинство. Одним из таких произведений является повесть «Муму», написанная Тургеневым в 1852 году. Рассказывая в ней о трагической судьбе глухонемого дворянина Герасима, Тургенев протестовал против жестокой тирании помещиков.

Последние годы жизни Тургенев жил за границей, но продолжал писать, к нему постепенно пришла мировая известность. Обнаружившаяся у него неизлечимая болезнь – опухоль позвоночника – приносила ему невыносимые страдания, но он продолжал литературное творчество, пока в 1883 году не умер в Париже. Тело его привезли в Россию и похоронили в Петербурге.

Воробей

Я возвращался с охоты и шёл по аллее сада. Собака бежала впереди меня.

Вдруг она уменьшила свои шаги и начала красться, как бы зачуяв перед собою дичь.

Я глянул вдоль аллеи и увидал молодого воробья с желтизной около клюва и пухом на голове. Он упал из гнезда (ветер сильно качал берёзы аллеи) и сидел неподвижно, беспомощно растопырив едва прораставшие крылышки.

Моя собака медленно приближалась к нему, как вдруг, сорвавшись с близкого дерева, старый черногрудый воробей камнем упал перед самой её мордой – и, весь взъерошенный, искажённый, с отчаянным и жалким писком прыгнул два раза в направлении зубастой раскрытой пасти.

Он ринулся спасать, он заслонил собою своё детище… но всё его маленькое тело трепетало от ужаса, голосок одичал и охрип, он замирал, он жертвовал собою!

Каким громадным чудовищем должна была ему казаться собака! И всё-таки он не мог усидеть на своей высокой, безопасной ветке… Сила, сильнее его воли, сбросила его оттуда.

Мой Трезор остановился, попятился… Видно, и он признал эту силу.

Я поспешил отозвать смущённого пса и удалился, благоговея.

Да, не смейтесь. Я благоговел перед той маленькой, героической птицей, перед любовным её порывом.

Тютчев Федор Иванович

(1803–1873)
поэт

Тютчев рано обнаружил необыкновенное дарование и способности к учению. Он получил хорошее домашнее образование, которым руководил поэт-переводчик С. Е. Раич, знаток классической древности и итальянской литературы.

Под влиянием учителя уже в 12 лет будущий поэт успешно переводил Горация.

В 1819 году он поступил на словесное отделение Московского университета, которое закончил в 1821 году.

Тютчев получил должность чиновника русской дипломатической миссии в Баварии, а в 1822 году отправляется в

Мюнхен, где живет и работает 22 года.

Все это время он переводит стихи многих европейских поэтов, а также пишет свои, публикуя их в журнале «Современник».

В 1844 году Тютчев возвращается на родину. В конце 40-х годов начинается новый подъем его лирического творчества: выходит сборник с 92-мя стихотворениями поэта. В одной из статей великий писатель И. С. Тургенев написал, что Тютчев «создал речи, которым не суждено умереть». В 1868 году выходит второй сборник стихов Тютчева.

В конце 1872 года здоровье поэта резко ухудшилось, и через несколько месяцев Тютчева не стало.

«Зима недаром злится…»

Зима недаром злится,
Прошла её пора —
Весна в окно стучится
И гонит со двора.
И всё засуетилось,
Всё нудит Зиму вон —
И жаворонки в небе
Уж подняли трезвон.

Зима ещё хлопочет
И на Весну ворчит.
Та ей в глаза хохочет
И пуще лишь шумит…

Взбесилась ведьма злая
И, снегу захвати,
Пустила, убегая,
В прекрасное дитя…
Весне и горя мало:
Умылася в снегу
И лишь румяней стала
Наперекор врагу.

Весенние воды

Ещё в полях белеет снег,
А воды уж весной шумят —
Бегут и будят сонный брег,
Бегут, и блещут, и гласят…
Они гласят во все концы:
«Весна идёт, весна идёт!
Мы молодой весны гонцы,
Она нас выслала вперёд!»
Весна идёт, весна идёт!
И тихих тёплых майских дней
Румяный светлый хоровод
Толпится весело за ней.

Весенняя гроза

Люблю грозу в начале мая,
Когда весенний, первый гром,
Как бы резвяся и играя,
Грохочет в небе голубом.

Гремят раскаты молодые,
Вот дождик брызнул, пыль летит,
Повисли перлы дождевые,
И солнце нити золотит,

С горы бежит поток проворный,
В лесу не молкнет птичий гам,
И гам лесной, и шум нагорный —
Всё вторит весело громам…

«Есть в осени первоначальной…»

Есть в осени первоначальной
Короткая, но дивная пора —
Весь день стоит как бы хрустальный,
И лучезарны вечера…
Где бодрый серп гулял и падал колос,
Теперь уж пусто всё – простор везде, —
Лишь паутины тонкий волос
Блестит на праздной борозде[46].
Пустеет воздух, птиц не слышно боле,
Но далеко ещё до первых зимних бурь —
И льётся чистая и тёплая лазурь[47]
На отдыхающее поле…

Фет Афанасий Афанасьевич

(настоящая фамилия Шеншин)
(1820–1892)
поэт, прозаик, публицист, переводчик

Мать поэта, Каролина Шарлотта Фет, в 1820 году уехала из Германии с русским дворянином, отставным ротмистром А. Н. Шеншиным. Вскоре родился Афанасий, которого Шеншин усыновил.

С 1838 по 1844 года Фет учится на словесном отделении филологического факультета Московского университета. Еще в юношеском возрасте Афанасий Афанасьевич начал писать стихи.

В 1840 году выходит первый сборник «Лирический пантеон», а с 1842 года стихи Фета регулярно появляются на страницах журналов.

С 1845 по 1858 года он находится на военной службе. В этот период выходят еще два сборника его стихов. В 1860 году поэт приобретает земельный участок и становится помещиком. Он занимается благотворительной деятельностью: помогает близким, хлопочет об устройстве больницы, «делает много добра соседским крестьянам». Все это время Фет пишет стихи, занимается переводами.

Его поэзию отличают музыкальность, разнообразие ритмов и звуков, поэтому она послужила прекрасным материалом для романсов многих русских композиторов: Чайковского, Рахманинова и др.

До конца своих дней Фет плодотворно работал и писал прекрасные стихи, которые и в наши дни находят множество почитателей.

«Ласточки пропали…»

Ласточки пропали,
А вчера зарёй
Всё грачи летали
Да как сеть мелькали
Вон над той горой.
С вечера всё спится,
На дворе темно.
Лист сухой валится,
Ночью ветер злится
Да стучит в окно.
Лучше б снег да вьюгу
Встретить грудью рад!
Словно как с испугу
Раскричавшись, к югу
Журавли летят.
Выйдешь – поневоле
Тяжело – хоть плачь!
Смотришь – через поле
Перекати-поле
Прыгает, как мяч.

notes

Примечания

1

Мóлонья – просторечная форма слова *молния*.

2

Реду́т – полевое укрепление, обнесённое валом.

3

Добраться до картечи – начать обстреливать врага картечью – артиллерийскими снарядами.

4

Лафе́т – станок, на котором укрепляется пушка.

5

Биваќ – стоянка войск в поле для ночлега или отдыха.

6

Ки́вер – старинный высокий головной убор у военных.

7

Полынья́ – незамёрзшее место среди скованной льдом реки.

8

Вода понимает – вода заливает во время весеннего разлива рек.

9

Вене́ция – город в Италии; расположен на небольших островах; в городе вместо улиц много каналов.

Тóрная – проторённая, гладкая, ровная.

11

В кураже́ – расхрабрившись.

12

Удо́д – птица с пёстрым опереньем, веерообразным хохолком и длинным изогнутым клювом.

13

Сыч – ночная птица из семейства совиных.

14

Пуделя́ть – стрелять мимо цели, делать при стрельбе промахи.

15

Ги́нут – гибнут.

16

Зипу́н – крестьянская одежда из грубого сукна.

17

Не́вод – большая рыболовная сеть.

18

Ста́рче – старик.

19

Коры́сть – выгода.

20

Светёлка – в старинных домах небольшая светлая комната.

21

Воро́ты – так говорили в старину. Теперь говорят – воротами.

22

Столбова́я дворя́нка – дворянка из старинного рода.

23

Душегре́йка – тёплая короткая кофта без рукавов.

24

Ки́чка – старинный женский головной убор.

Чупру́н – чуб, хохол.

26

Белены́ объе́лась – сошла с ума, обезумела.

27

Ца́рские пала́ты – царский дворец.

28

Боя́ре – богатые знатные люди, которые служили царю.

29

Пря́ник печа́тный – пряник с отпечатанными рисунками или буквами.

30

Óчи – глаза.

31

Быть на посы́лках – находиться в полном подчинении у кого-нибудь.

32

Пере́чить – говорить наперекор.

33

Вёрсты полосаты. – В старину вдоль проезжих дорог для измерения расстояния ставили столбы – вёрсты, окрашенные белыми и чёрными полосами.

34

Лукомо́рье – морской залив, бухта.

35

Ви́тязь – в Древней Руси отважный, доблестный воин.

36

Чредо́й – один за другим, по очереди.

Пленяет – здесь: берёт в плен.

38

По́лба – один из видов пшеницы; из полбы варили полбенную кашу.

39

Обро́к – при крепостном праве: налог, принудительный сбор с крестьян, взимавшийся помещиком.

40

Пло́тите – устаревшая форма глагола *плати́ть*; современная литературная форма – *пла́тите*.

41

Супоста́т – противник, недруг.

42

Няня А.С. Пушкина – Арина Родионовна.

43

Сыны любимые победы. – Так Пушкин называет шведов, которые до Полтавской битвы одержали ряд побед над войсками разных государств.

44

Ро́зен, Шлипенба́х – шведские генералы.

45

В прахе боевом – в пыли, в дыму сражения.

Борозда́ – канавка в поле, сделанная плугом.

Лазу́рь – синева.